Старому другу Григорію Филипповичу Головачову,

отъ автора.

КРЕСТНИЦА ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Мнѣ бы хотѣлось познакомить читателя съ женщиной, сгорбленной тяжестью ста шестнадцати лѣтъ.

Врядъ ли можно себѣ представить иначе сказочныхъ колдуній. Блѣдныя ея губы были сжаты, глаза, лишенные зрѣнія но открытые, блуждали безъ цѣли; безчисленныя морщины покрывали пожелтѣвшее лицо; на костлявыхъ пальцахъ блестѣли драгоцѣнные перстни, и стриженые сѣдые волосы торчали изъ подъ высокаго чепца.

Она осталась вѣрна модамъ своей молодости, и носила широкую юбку - обшитую оборками, кофту и башмаки на каблукахъ.

Я видѣла ее одинъ только разъ, но была очень коротка съ близкими ея родственниками, и слышала много разсказовъ о ней.

Лишь за пять лѣтъ до смерти она впала въ дѣтство, но до тѣхъ поръ сохранила всю ясность своего ума и самую счастливую память. Ея жизнь не представляетъ ни выдающагося факта, ни драматическаго интереса; но на ея характерѣ и на всей ея жизни, безупречной и холодной, лежитъ особенная печать, надъ которой невольно задумываешься. Она лишилась рано горячо любимаго отца, и съ тѣхъ поръ ни одна привязанность не согрѣла ея сердца, и цѣлое столѣтіе было прожито безъ любви, безъ дружбы, безъ сердечнаго увлеченія. Многія поколѣнія родились и сошли въ могилу на ея глазахъ, и среди ихъ она не нашла себѣ друга, никого не помянула она задушевнымъ словомъ, ничто не вызвало ея слезы, никогда не сжалось ея сердце.

Ольга Александровна *** любила говорить о крестной своей матери Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, о Биронѣ, о Волынскомъ, которыхъ хорошо помнила. Странно дѣйствовали на ея слушателей слова: «я подошла къ Государынѣ Аннѣ Ивановнѣ» или «Артемій Петровичь поцаловалъ меня». До сихъ поръ хранится еще въ ея семействѣ подарокъ полученный ею на зубокъ отъ крестной ея матери: на огромномъ изумрудѣ окруженномъ бриллiянтами изображенъ, рѣзцомъ художника, профиль одного изъ Римскихъ Цесарей. Всѣ прочія драгоцѣнности, покоившіяся въ сундукахъ Ольги Александровны, въ продолженіи стольких десятковъ лѣтъ, были разграблены въ послѣдніе годы ея жизни.

Она была еще очень молода, когда начала вести свои записки, и занималась ими до глубокой старости; но любопытный документъ погибъ. Впавши въ дѣтство, она

собрала свои письма и манускрипты и изрѣзала ихъ на куски, говоря, что кроитъ изъ нихъ ассигнаціи, и къ несчастію никто изъ окружавшихъ ее не позаботился о томъ, чтобы спасти драгоцѣнныя бумаги.

Мать ея, Анна Ивановна Ч. была фрейлиной Герцогини Курляндской, жила съ ней на чужбинѣ, где вышла за Александра Ивановича ***, родила свою единственную дочь, и возвратилась съ мѣсячнымъ ребенкомъ въ Россію, когда Анна была призвана на престолъ! Первыя воспоминанія дѣвочки относились къ длиннымъ заламъ зимняго дворца, черезъ которыя ее водили, наряженую какъ куколку, въ уборную Государыни. Тамъ она играла, не стѣсняясь, Андреевской лентой, украшавшей наканунѣ грудь Императрицы, бриллiянтами ея головнаго убора, и переходила съ колѣнъ Бирона на колѣни Волынскаго или Остермана. Они толковали о пріемѣ, который готовили Лашетарди, о великолѣпныхъ стихахъ Телемахиды, или Биронъ считался родствомъ съ знаменитымъ во Франціи семействомъ Biron, и доказывалъ свои права на его гербъ. Толковали наконецъ о затѣйливомъ нарядѣ Великой Княжны Елизаветы Петровны на вчерашнемъ балѣ, и временщикъ замѣчалъ, улыбаясь и бросая нѣжный взглядъ на Императрицу, что не смотря на блестящій свой нарядъ, не Великая Княжна была краше всѣхъ вчера на его пирѣ.....

О Биронѣ Ольга Александровна говорила всегда съ глубокимъ отвращеніемъ, и вмѣняла ему въ одинаковое преступленіе его жестокость и мѣщанское его чванство. Она не прощала ни ему, ни его женѣ тѣхъ наглыхъ выходокъ, съ которыми мирились, скрѣпя сердце, Аннен-

скіе царедворцы, и разсказывала часто слѣдующій фактъ: къ герцогинѣ являлись иногда просители, не смѣвшіе обратиться прямо къ ея мужу; лѣтомъ она принимала ихъ обыкновенно въ саду, гдѣ проводила все утро у пруда съ удочкой въ рукѣ, между тѣмъ какъ ее окружала, стоя за ней, цѣлая толпа напудренныхъ мущинъ и дамъ, и всѣ рукоплескали каждой ея побѣдѣ надъ щукой или карасемъ.

Какъ скоро являлся проситель, она приказывала ему подойти и наклониться къ ней. Тогда она выбирала изъ золотой лаханки, въ которую опускала ихъ, одну изъ пойманныхъ ею рыбъ, брала ее за хвостъ и ударяла ею просителя по щекѣ. Если тотъ переносилъ бодро и не двигаясь съ мѣста свѣтлѣйшую шутку: «gut» *)! говорила герцогиня смѣясь, и принимала прошеніе. Но иному приходилась не по душѣ игривость дикаго самовластія, и онъ невольнымъ движеніемъ пятился назадъ. Такое вольнодумство не нравилось герцогинѣ; она хмурила брови, прибавляя недовольнымъ тономъ! «Ah! er widersetzte sich!» **) и указывала просителю краснорѣчивымъ движеніемъ руки, чтобъ онъ удалился.

Когда минуло лѣтъ восемь моей героинѣ, она чуть не сдѣлалась жертвой страшнаго случая, который имѣлъ вліяніе на всю ея жизнь. Послѣ непродолжительной болѣзни она впала въ летаргическій сонъ и ее сочли умершей. Она чувствовала, и живо помнила, какъ ее одѣли въ праздничное платье и положили на столъ, какъ разсказывали о подробностяхъ ея смерти, и заказывали

*) Хорошо!

**) А! онъ пятится.

розовый бархатный гробъ. Государыня вошла въ ея комнату, чтобъ проститься съ крестницей. Ольга Александровна чувствовала какъ губы крестной матери коснулись ея лба, слышала, какъ она выражала сожалѣніе о ея смерти. Пришелъ и Биронъ, и отдавалъ приказанія на ломаномъ русскомъ языкѣ. Слухъ ея былъ также пораженъ рыданьемъ отца и довольно равнодушнымъ голосомъ матери. Дѣвочка имѣла уже полное понятіе о смерти и сознавала съ ужасомъ, что̀ ее ожидаетъ. Она дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобъ вскрикнуть или шевельнуться, но голосъ словно вымеръ въ ея груди, и отяжелѣвшіе члены ей не повиновались. Она ожидала съ неописаннымъ страхомъ, что вотъ, вотъ ее положатъ въ тѣсный гробъ и опустятъ въ могилу, и сердце ея замирало...

Наконецъ она стала чувствовать, что приходитъ немного въ себя, и приподняла съ усиліемъ вѣки. У ея ногъ стоялъ отецъ и горько плакалъ. Она пролепетала что-то невнятно... Онъ бросился къ ней, и схватилъ ее на руки.

По мѣрѣ того какъ она стала поправляться, ея воображеніе представляло ей съ новой силой малѣйшія подробности страшнаго событія. Она вспомнила скорбь отца и невозмутимое спокойствіе, съ которымъ мать переносила мысль о ея потерѣ; вспоминала, что открывши глаза она не видѣла возлѣ себя матери, между тѣмъ какъ отецъ обливалъ слезами ея ноги,—и она привязалась къ отцу и отдалилась отъ матери.

Съ своей стороны Александръ Ивановичь, оплакивая свою дочь какъ умершую, измѣрилъ всю нѣжность

своей привязанности къ ней, и эта привязанность стала развиваться все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Онъ жилъ и дышалъ только дочерью, училъ ее читать и уводилъ съ утра въ свой кабинетъ; и дѣвочка устроила себѣ уголъ у камина и играла, пока отецъ занимался.

Часто, когда съѣзжались къ нему друзья, она забывала свои куклы, чтобъ прислушиваться къ разговору; и не разъ они смѣялись, глядя на ея умные и любопытные глазки, устремленные на нихъ. Эти разговоры, бесѣды ея съ отцемъ придали ея уму ~~грозный~~ и строгій складъ; она стала мало по малу скучать дѣтскими играми, и рано отказалась отъ нихъ. За каминомъ появились книги вмѣсто куколъ, и она была вполнѣ счастлива, когда отецъ читалъ ей вслухъ какой нибудь разсказъ о далекомъ путешествіи. Она брала съ него слово, что когда выростетъ, то поѣдетъ съ нимъ во Францію или въ Англію, или они будутъ отыскивать вмѣстѣ какой-нибудь невѣдомый доселѣ островъ. Друзья ея отца сдѣлались и ея друзьями, въ особенности любилъ ее Минихъ, и забавлялъ часто разсказами о своихъ походахъ и о покойномъ Императорѣ, о великомъ Петрѣ. Съ матерью она видѣлась рѣдко: Анна Ивановна, пользуясь свободой, которую давалъ ей мужъ, занималась исключительно нарядами и успѣхами своими на пирахъ и *ассамблеяхъ*, и мало заботилась о дочери. Она была совершенно неспособна на глубокое чувство и даже на немного серьезное занятіе, такъ что мужъ долженъ былъ дѣлить со старой мамкой хлопоты по домашнему хозяйству, отъ которыхъ не устранялась въ это время ни одна женщина.

Но вдругъ всѣ стали говорить о болѣзни Императрицы. Друзья Александра Ивановича являлись къ нему съ озабоченнымъ видомъ, толковали съ нимъ часто за полночь, запирались въ его кабинетѣ, и въ первый разъ дѣвочка была удалена отъ ихъ бесѣдъ. Наконецъ ей объявили о кончинѣ ея крестной матери. Она заплакала и спросила: кто же будетъ теперь царствовать? «Биронъ», отвѣчалъ ей отрывисто отецъ. Потомъ, испугавшись неосторожнаго слова, онъ строго запретилъ дочери его повторять, запретилъ ей также говорить кому бы то ни было о его тайныхъ бесѣдахъ съ друзьями, прибавляя, что малѣйшая нескромность съ ея стороны можетъ его подвергнуть злой казни.

Ольга Александровна не вполнѣ вѣрила кончинѣ Императрицы. Со времени своего летаргическаго сна, она въ первый разъ слышала о смерти близкаго ей человѣка, и ей все казалось, что ея крестная мать проходитъ теперь черезъ тѣ страшныя ощущенія, о которыхъ не могла, безъ содраганія, вспомнить дѣвочка. Ее одѣли въ траурное платье и повели въ огромную залу, гдѣ покоилось, на возвышенномъ катафалкѣ, тѣло Императрицы. Когда Ольга Александровна взглянула на пожелтѣвшее и опухшее ея лице, и повѣяла на нее страшнымъ холодомъ, она задрожала и закрыла глаза. Она повѣрила въ присутствіе смерти, поняла, что кто заснулъ этимъ сномъ, тотъ уже не проснется.

Биронъ стоялъ у самаго гроба. Торжественное выраженіе его лица ее поразило, поразило ее не менѣе дерзкое наклоненіе головы, которымъ онъ отвѣчалъ на поклонъ ея отца. На всѣхъ лицахъ выказывалась не печаль, а

выражался страхъ, и всѣ корчили улыбку, когда мимо ихъ проходилъ Регентъ. Эта быстрая перемѣна всѣхъ и всего, таинственные разговоры, загадочныя рѣчи, намеки, двухъ-смысленные взгляды, которыми обмѣнивались иногда ея отецъ со своими друзьями, вся новизна обстановки сильно подѣйствовала на нее. Она стала задумчива, начала понимать смутно драматическую сторону жизни, сдѣлалась осторожна въ своихъ рѣчахъ, утратила всю дѣтскую беззаботность,—созрѣла въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Она сидѣла разъ одна въ кабинетѣ отца, думала о всемъ томъ, что совершалось около нее, и задавала себѣ, одинъ за другимъ, вопросы, которымъ не находила удовлетворительнаго отвѣта.

Вдругъ послышались быстрые шаги, дверь раскинулась настежь, и Александръ Ивановичь вошелъ въ комнату съ сіяющимъ лицемъ:—Оля, вскричалъ онъ цѣлуя ее, благодари Бога, нашъ злодѣй въ тюрьмѣ, не будетъ онъ больше пить нашей крови!

Она смотрѣла на него изумленная и радостная, потому что видѣла его радость, но не понимала ничего. Тогда онъ взялъ ее на колѣни и долго бесѣдовалъ съ ней. Онъ постоянно слѣдилъ за трудной переработкой, которая совершалась въ ея сердцѣ, но не довѣряясь ея дѣтскимъ годамъ, не смѣлъ приступить къ разрѣшенію мучившихъ ее вопросовъ. Наконецъ настала минута, когда онъ могъ ей все объяснить. Въ этомъ разговорѣ онъ убѣдился до какой степени умъ ея развился и возмужалъ; и онъ говорилъ съ ней какъ съ другомъ. На другой же день онъ далъ блестящій обѣдъ, на которомъ пировали

всѣ его друзья. Разсказывали всѣ подробности ареста Бирона. Тостъ слѣдовалъ за тостомъ, и провозглашали громко имя младенца—Императора, правительницы и Миниха.

— Пей и ты, Оля, говорилъ ей отецъ, пожелавшій чтобъ она присутствовала на его обѣдѣ; и она пила, и раздѣляла съ полнымъ сознаніемъ общую радость.

Но въ это лихорадочное время перемѣна слѣдовала за перемѣной, и горе смѣняло быстро радость.

Прошелъ годъ, и съ воцареніемъ Елисаветы выступили впередъ люди новые, и настали черные дни для всѣхъ, которыхъ баловала до тѣхъ поръ судьба. Не былъ пощаженъ ни одинъ изъ главныхъ приверженцевъ правительницы. Александръ Ивановичь ждалъ со страхомъ рѣшенія своей участи; однако его спасло вліяніе родственниковъ — однофамильцевъ, которые уже пользовались расположеніемъ Елисаветы, и помогли ей сѣсть на отцовскій престолъ. Но онъ оплакивалъ заточеніе Миниха, лучшаго своего друга, потомъ смертный его приговоръ, и наконецъ его ссылку. Въ тотъ день какъ Очаковскій герой былъ отправленъ въ Пелынь, на двадцатилѣтнее заключеніе въ домъ, выстроенный, по его приказанію для Бирона, Александръ Ивановичь, дождавшись сумерекъ, замѣнилъ свой мундиръ простымъ камзоломъ, велѣлъ заложить самый скромный изъ своихъ экипажей, приказалъ старому слугѣ, который нянчилъ его на рукахъ и пользовался его довѣренностью, сопровождать его въ качествѣ лакея, но ливреи не надѣвать, и выѣхалъ изъ дому съ дочерью. Онъ убѣдился, что она способна хранить тайну, и былъ увѣренъ въ ея

осторожности. Они остановились у паперти бѣдной церкви, стоящей въ отдаленномъ переулкѣ: лакей побѣжалъ за священникомъ и просилъ его отслужить *напутственный* молебенъ. И между тѣмъ какъ изгнанникъ удалялся изъ столицы, гдѣ его имя превозглашалось еще такъ недавно съ восторженными криками, простившійся съ нимъ на вѣкъ товарищъ и ребенокъ, дождавшіеся какъ преступники покрова ночи, въ убогой церкви, при дрожащемъ мерцаніи двухъ—трехъ свѣчей, молились со слезами, когда священникъ призывалъ милость Божью *на путешествующихъ и страждущихъ.*

Александръ Ивановичь не утратилъ выгоднаго мѣста, которое занималъ при Аннѣ, но потерявъ многихъ изъ своихъ друзей, ограничился тѣснымъ кружкомъ замѣчательныхъ личностей того времени. Дочь его росла на ихъ глазахъ, и не даромъ прошло надъ ней ихъ вліяніе. Старуха, прожившая болѣе столѣтія, одушевлялась будто подъ вліяніемъ гальваническаго тока, вспоминая о вдохновенномъ взглядѣ Ломоносова когда онъ произносилъ:

«Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, Росская побѣда!»

или разсказывала съ какимъ восторгомъ Шуваловъ мечталъ о Московскомъ Университетѣ. Однако при всемъ своемъ уваженіи къ нему, она упрекала его въ томъ, что онъ не принесъ Россіи всей пользы, которую могъ бы ей принести при своемъ вліяніи.

— Онъ основалъ университетъ, да и молился на него, говаривала она,—университетъ дѣло великое, да останавливаться на немъ не слѣдовало. Умѣли же Долгорукіе

убѣдить Императрицу Анну въ чемъ хотѣли—а Иванъ Ивановичь чего смотрѣлъ?

Отецъ давалъ ей строгое воспитаніе. Цѣлый день былъ посвященъ занятіямъ или бесѣдамъ, которыя способствовали не менѣе книгъ ея развитію. Она изучала подъ его руководствомъ французскую литературу и даже древнихъ классиковъ, и пристрастилась къ честной личности д'Аламбера, между тѣмъ какъ говорила съ презрѣніемъ о продажномъ перѣ Вольтера, и не прощала Екатеринѣ II ея переписки съ нимъ. Отецъ ея старался одинаково просвѣтить ея умъ и закалить ея сердце въ строгихъ правилахъ и сознаньи долга.

Жена его не умѣла привязать къ себѣ ни его, ни дочери; но Ольга Александровна обращалась къ ней съ покорностью и почтеніемъ—того требовалъ отецъ. Онъ ее пріучалъ также и къ хозяйству. По его понятіямъ роль женщины,какъ члена общества и матери семейства была серьезна, и онъ не позволялъ дочери тратить своей молодости въ свѣтской пустотѣ. Она лишь изрѣдка посѣщала балы и *Ассамблеи*, но на иныя удовольствія онъ смотрѣлъ иначе: еще до основанья театра устраивались иногда домашніе спектакли, и онъ объявилъ дочери, что повезетъ ее на представленіе Синава и Трувора, пьесы, которую давали кажется въ кадетскомъ корпусѣ. По разсказамъ доходившимъ до нея, Ольга Александровна не могла никакъ составить себѣ яснаго понятія о театрѣ, и сердце ея сильно билось отъ любопытства и нетерпѣнья, пока она подвязывала свои фижмы и наклеивала мушки, чтобъ ѣхать съ отцемъ въ кадетскій корпусъ. Дѣйствительность превзошла всѣ ея ожиданья: Синавъ

и Труворъ ознакомили ее съ совершенно новымъ міромъ. До самой глубокой старости она не могла забыть впечатлѣнія, вынесеннаго ею изъ этого представленія. Она нашла такое величіе въ игрѣ актеровъ, въ ихъ костюмахъ, въ ихъ декламаціи, что долго не могла ни думать, ни говорить о другомъ; и Варяжскіе князья не рѣдко являлись ей во снѣ. Но не смотря на свѣтлыя воспоминанія, которыми она была обязана автору Синава и Трувора, она не любила Сумарокова, и называла его обыкновенно скоморохомъ и шутомъ.

Она обнаружила съ дѣтства замѣчательную твердость характера. Разъ бывши двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, она просила отца взять ее къ заутрени Свѣтлаго Воскресенья. — Нельзя, отвѣчалъ онъ, — ты заснешь. Ольга Александровна попробовала настаивать, но безуспѣшно. Тогда она рѣшилась доказать отцу, что можетъ легко провести ночь безъ сна, и въ тотъ же вечеръ, когда всѣ улеглись въ домѣ, когда заснула мамка, спавшая на войлокѣ около ея кровати, дѣвочка встала, притаивши дыханье, обулась, подвязала юбку, накинула на плечи душегрѣйку, зажгла восковую свѣчу у лампады теплившейся передъ образами, вышла на цыпочкахъ изъ комнаты и прошла корридоромъ въ дѣвичью. Тамъ, подъ овчинными шубами, спали рядами на полу и храпѣли нестройнымъ хоромъ сѣнныя дѣвушки. Извѣстно, что въ это время многочисленная женская прислуга богатыхъ домовъ занималась вышиваньемъ или плетеньемъ кружева, и каждую субботу сама хозяйка или старшая женщина въ домѣ осматривала работы, и убѣдившись, что заданные уроки были выполнены, клала на шитье

или на кружево мѣтки, которыя не было возможности передвинуть. Не желая испортить искуснаго издѣлія, Ольга Александровна отыскала работу молодой дѣвушки, взятой еще недавно *въ верхъ*, и только что посаженой *за подушку*, по тогдашнему выраженію, и унесла ее въ кабинетъ отца, гдѣ усѣлась около стола и начала перекидывать коклюшку черезъ коклюшку. Эта ночь осталась ей памятна. Тѣни принимали внезапно въ ея усталыхъ глазахъ страшные образы, и малѣйшій шорохъ обдавалъ ее холодомъ. Ей приходили на умъ всѣ сказки о привидѣніяхъ, слышанныя отъ мамки; да недавно еще сѣнныя дѣвушки разсказывали, что по ночамъ здѣсь бродитъ домовой. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. У нея потемнѣло въ глазахъ, и она не смѣла обернуться. . . . Шаги приближались. . . . Она сидѣла ни жива ни мертва, но вдругъ вскочила, схватила свѣчу, и не давши себѣ времени одуматься, подбѣжала къ двери, отворила ее, и испуганная внезапнымъ свѣтомъ огромная крыса, шумя когтями по полу, бросилась за печку. Дѣвочка вернулась къ своему мѣсту и коклюшки заходили опять подъ ея пальцами;—страхъ былъ побѣжденъ, но трудно ей было бороться противъ сна, который одолѣвалъ ее не разъ. Однако она дала себѣ слово, что выдержитъ роль до конца, и выдержала ее. Она покидала работу лишь только начинала дремать, протирала глаза, прохаживалась по комнатѣ, и разгулявшись совсѣмъ, принималась опять за кружевную подушку.

Наконецъ прошла долгая ночь и всѣ домашніе стали подыматься. Мамка поблѣднѣла отъ испуга, когда увидала пустую кроватку барышни, обѣжала въ безпамят-

ствѣ весь домъ, и наконецъ отворила дверь кабинета. Ольга Александровна, сидя передъ письменнымъ столомъ отца, продолжала перебирать коклюшки.

— Слава Богу, воскликнула мамка, перекрестясь, а ужъ я какъ испугалась. Что это ты, красавица, такъ рано поднялась, да за работу сѣла? Кто тебя неволитъ? почивала бы ты, да почивала.

— Я всю ночь за работой просидѣла, мамушка, отвѣчала Ольга Александровна. Посмотри-ка, это Дамашкина подушка—вонъ гдѣ мѣтка—та, что ты вчера положила. Скажи же батюшкѣ, чтó еслибъ я дремала, такъ не наплела бы столько.—Я не засну у заутрени.

— Молодецъ, Ольга! сказалъ Александръ Ивановичъ, когда узналъ о ея ночномъ похожденіи. Поставила таки на своемъ; ну, дѣлать нѐчего: собирайся къ заутрени.

II.

Миновало дѣтство, и дѣвочка стала высокой, стройной красавицей. Всѣ признавали въ ней замѣчательный умъ и неслыханную тогда образованность въ женщинѣ; и упрекнуть ее было не въ чемъ,—но привязанности она не внушала. Отецъ былъ единственное существо, которое горячо ее любило, и онъ одинъ вызывалъ въ ней почти нѣжное чувство; для него одного она умѣла смягчать крутой, непреклонный нравъ, который выказывался съ пеленокъ.

— Родиться бы тебѣ мужчиной, говорилъ онъ ей иногда смѣясь.—Хорошо было бы, батюшка, отвѣчала

она.—Мужчина самъ себѣ хозяинъ, а женщина что раба; мнѣ же любо у васъ однихъ быть въ повиновеніи.

Домашніе ее не любили.—Боярышня *ничто*, говорили они; да сердце къ ней словно не лежитъ.—Нелюбили ее и въ свѣтѣ. Старушки видѣли въ ней женщину опасную, а молодыя дѣвушки, между которыми она не нашла себѣ подругъ, смотрѣли на нее съ робостью.—Куда Александръ Ивановичь готовитъ дочку? спрашивали иногда, покачивая головой, степенныя матери семейства,—говорятъ съ утра до ночи за книгами сидитъ. Женское ли это дѣло! — Да слышно будто Василій Кирилловичъ (*) собирается въ отставку подать, такъ видно ее назначатъ профессоромъ элоквенціи,—отвѣчали при общемъ хохотѣ тогдашніе остряки.

Ольгу Александровну не смущали эти недоброжелательные отзывы. Лишь бы любилъ ее отецъ, да смотрѣли бы на нее съ сочувствіемъ его друзья, она была равнодушна къ остальному и шла твердо своей дорогой.

Но пришлось Александру Ивановичу покинуть городъ, въ которомъ онъ родился и провелъ всю почти жизнь. Вслѣдствіе непріятности, возникшей по службѣ, онъ подалъ въ отставку и переселился въ Москву. Здѣсь онъ купилъ домъ и пытался сначала устроить свою жизнь на образецъ Петербургской. Но среди чуждаго общества ему не удалось образовать короткаго кружка изъ людей, которые пришлись бы ему по душѣ, и онъ проводилъ весь день въ бесѣдахъ или занятіяхъ съ дочерью. Съ своей стороны, его жена, утративши молодость и красоту, не нашла въ московскихъ гостинныхъ пріема, который

(*) Третьяковскій.

могъ бы льстить ея самолюбію. Къ тому же имѣніе было разстроено, доходы значительно оскудѣли, и Анна Ивановна должна была отказаться отъ блаженства жить открыто; но ее окружали почти постоянно скоморохи и шутихи, одинаково ненавистные мужу и дочери, и кромѣ того судьба ей послала занятіе. Четырнадцать лѣтъ послѣ рожденія Ольги Александровны, она родила сына, котораго сдала на руки кормилицѣ и нянькѣ, но переселившись въ Москву, стала заниматься отъ бездѣйствія, отъ скуки, хорошенькимъ шестилѣтнимъ мальчикомъ и привязалась къ нему, какъ ребенокъ привязывается къ игрушкѣ. Мужъ замѣчалъ ей часто, что она его черезъ чуръ балуетъ, но въ сущности мало вмѣшивался въ его воспитаніе, предоставляя себѣ право взять его года черезъ два—три на свое попеченіе. Ольга оставалась по прежнему его любимицей, и скоро послѣ рожденія сына онъ написалъ духовное завѣщаніе, по которому дѣлилъ поровну свое наслѣдство между обоими дѣтьми.

Мы уже сказали, что имѣніе приходило въ упадокъ; Александръ Ивановичь предполагалъ заняться имъ серьезно, и собирался уже переселиться въ деревню, но занемогъ. Болѣзнь казалась сначала ничтожной, однако приняла внезапно безнадежный характеръ. Ольга Александровна требовала, чтобъ медики не скрывали отъ нея истины, и выслушавши молча ихъ приговоръ ушла въ свою комнату, сѣла на кровать скрестивши руки на груди, и призвала на помощь всю свою силу воли, чтобы оправиться отъ нанесеннаго ей удара и казаться спокойной. Часа черезъ два она вошла къ отцу съ веселымъ лицемъ, и съ этой минуты не отходила отъ него. Чтобъ

не напугать больнаго излишней заботливостью, она сказала ему, что въ ея спальнѣ очень холодно, а остальныя комнаты для нея неудобны; и подъ этимъ предлогомъ проводила ночи у него на диванѣ. Она поддерживала его бодрость и надежду на выздоровленіе, улыбалась ему постоянно, перечитывала съ нимъ его любимыя книги, и увлекала его въ долгія бесѣды. Ея желѣзная природа переносила, не утомляясь, горе, заботы и физическую усталость. Такъ провела она нѣсколько мѣсяцевъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ и съ улыбкой на губахъ, прочла твердымъ голосомъ отходную молитву у изголовья умирающаго, и закрыла ему глаза.

Ей было тогда двадцать два года. Она не плакала и не жаловалась, и занялась сама обрядомъ похоронъ. Но проводивши отца до могилы, заперлась въ свою комнату и отказалась видѣть кого бы то ни было, не смотря на увѣщанія Анны Ивановны, которая объявила, что считаетъ долгомъ принимать знакомыхъ, навѣщавшихъ ее въ горѣ. Молодой дѣвушкѣ нужно было оглядѣться, привести въ порядокъ мысли и дать себѣ ясный отчетъ въ своемъ положеніи. Смерть отца разбила ея сердце и отняла у нея все: въ его могилѣ она похоронила всѣ свои любящія способности. Она была одна, одна въ мірѣ. Друзья отца, единственные люди, которымъ она протянула бы сочувственную руку, были далеко; отъ матери она окончательно отдалилась и понимала, что непріязненное ея чувство приметъ характеръ ненависти, если онѣ не разстанутся, хотя на время. Кромѣ того, она сознавала необходимость вырваться изъ окружающей ея среды и броситься насильственно въ какую нибудь дѣя-

тельность, и въ особенности въ дѣятельность обязательную.—Иначе, говаривала она впослѣдствіи, я чувствовала, что сойду съ ума.

Прошелъ мѣсяцъ—другой, и она приняла рѣшеніе, надъ которымъ задумалась бы и теперь дѣвушка ея лѣтъ; но тогда всѣ говорили о немъ, какъ о явленіи неслыханномъ и чудовищномъ. Однако Ольга Александровна ни передъ чѣмъ не струсила и поставила на своемъ. Она начала объясненіемъ съ матерью.

Анна Ивановна, сидя въ своей комнатѣ, плела кружево для развлеченія, между тѣмъ, какъ передъ ней ломалась любимая ея шутиха. Ольга Александровна вошла и поцѣловала почтительно руку матери.

— Хорошо, что вылѣзла изъ своей кельи, замѣтила Анна Ивановна. Прежде все съ отцемъ сидѣла, а вѣдь одну-то тоска, чай, разберетъ. Опять же и убиваться нѣчего: вѣдь ужъ его не подымешь.

— А ты ее повесели, мать моя, подхватила шутиха, ты баяла, что покойная Царица своего шута на козѣ обвѣнчала (*), а ты меня сосватай за сосѣдняго пѣтуха, и боярышня на моей свадьбѣ попляшетъ. Право такъ, красотка, продолжала она, обращаясь къ Ольгѣ Александровнѣ, ты все горюешь, что попъ пропѣлъ: Со святыми упокой! а какъ мой-то женихъ пропоетъ, такъ и повеселѣешь: ку-ка-ре-ку!

Анна Ивановна расхохоталась, а блѣдное лице молодой дѣвушки вспыхнуло гнѣвомъ.

(*) Эту свадьбу праздновали дѣйствительно при дворѣ Императрицы Анны.

— Со мной шутить не смѣть! и вонъ отсюда, сказала она сдержаннымъ голосомъ.

Смѣхъ Анны Ивановны мгновенно замолкъ, а испуганная шутиха направилась быстро къ дверямъ.

— Я пришла поговорить съ вами о дѣлѣ, матушка, начала опять Ольга Александровна, лишь только шутиха вышла.

Анна Ивановна отодвинула подушку съ кружевомъ и взглянула на нее робко. Не смотря на почтительный тонъ, отъ котораго дочь никогда не отступала, мать инстинктивно ее побаявалась. Молодая дѣвушка продолжала.

— Наши дѣла разстроены, матушка; надо ими заняться, и я рѣшилась ѣхать сперва во Владимірское, а потомъ въ Орловское имѣніе, которыя батюшка оставилъ мнѣ, и приняться за хозяйство. Я надѣюсь, что дѣло пойдетъ на ладъ, и тогда, если вы прикажете, я загляну и въ ваше имѣнье, а теперь я прошу вашего благословенія на отъѣздъ.

— Помилуй, мать моя, заговорила оторопѣвшая Анна Ивановна,—въ своемъ ли ты умѣ? Да какъ же это ты одна-то поѣдешь?

— Надо ѣхать: управляющій совсѣмъ раззоритъ имѣніе.

— Такъ приказать его высѣчь, чтобъ онъ объ господскомъ добрѣ радѣлъ, да сыну его лобъ забрить, вотъ и вся не долга, а нѐчего вздора затѣвать! Подумай только, что объ тебѣ скажутъ: ты свое честное имя совсѣмъ погубишь, коли одна-то изъ родительскаго дома въ глушь

*

ускачешь. Да и меня-то осудятъ, что дескать дочкѣ волю дала.

— Вы мнѣ даете волю не на дурное, а на хорошее дѣло, матушка, а что обо мнѣ скажутъ, мнѣ все равно.

— Все равно! вотъ какое времячко настало! все равно! Или ты думаешь вѣкъ въ дѣвкахъ просидѣть? Вѣдь тебя послѣ такой срамоты никто не возьметъ. Хоть бы ты покрайности съ кѣмъ нибудь посовѣтовалась.

— Я замужъ не собираюсь, а совѣтоваться мнѣ нѐчего, благо я уже рѣшилась, и думаю выѣхать дня черезъ три.

— Какъ дня черезъ три! Да дай ты мнѣ хоть съ мыслями-то собраться, вѣдь это неслыханное дѣло! Я словно одурѣла. Вся Москва теперь закричитъ. Куда я глаза-то покажу? Господи Боже мой! Одна поѣдетъ!

— Да надо ѣхать; но если вамъ не угодно отпустить меня одну, матушка, не соберетесь ли вы со мной? Тогда и толковъ никакихъ не будетъ, отвѣчала не безъ цѣли Ольга Александровна.

— Какъ! и мнѣ ѣхать! Да нѐчто меня Государыня за какую провинность въ ссылку сослала? я не каторжница какая, не царская ослушница. Нѣтъ, мать моя, дѣлай какъ знаешь, коли ты такую волю забрала, а я въ захолустье не закабалюсь.

— Стало быть матушка дѣло рѣшено, сказала Ольга Александровна, вставая: вы сами изволите видѣть, что волей неволей я должна ѣхать одна.

Съ этой минуты она стала хлопотать объ отъѣздѣ. Было приказано двумъ сѣннымъ дѣвушкамъ и двумъ *малымъ* собираться въ дорогу, и выдвинули изъ сарая

бричку и огромный рыдванъ, который нагрузили вещами и съѣстными припасами. Въ домѣ не было денегъ, но у Ольги Александровны оставалось въ кошелькѣ нѣсколько крестовиковъ, подаренныхъ отцемъ, и съ этимъ капиталомъ она рѣшилась пуститься въ путь.

Анна Ивановна продолжала охать и сокрушаться, но не пыталась уже ее остановить. Въ день отъѣзда Ольга Александровна вошла къ матери, и спросила ее не думаетъ ли она заняться воспитаніемъ брата.

— Покойный батюшка, прибавила она, говорилъ, что его уже пора посадить за книгу.

— Да мало ли что онъ говорилъ! отвѣчала Анна Ивановна. Стану я мучить дитя! Вѣдь это только нынче выдумали боярскихъ дѣтей надъ ученіемъ морить. Еще успѣетъ. И то сказать: велика важность, коли выростетъ безъ грамоты. Онъ не приказный какой. Да и сама-то я по грамотѣ *въ авантажѣ* не обрѣтаюсь. Въ молодости читала кое-какъ, а теперь и то забыла.

Все было готово: отслужили напутственный молебенъ. Ольга Александровна поклонилась въ ноги матери, которая прослезилась, благословляя ее; потомъ многочисленные дворовые подошли поочередно къ ручкѣ боярышни, и наконецъ боярышня усѣлась въ экипажъ.

III.

Не мало удивились крестьяне, когда показался на длинной грязной улицѣ громадный рыдванъ, запряженный цугомъ. Мальчишки побѣжали за нимъ съ визгомъ и

криками, но замолкли, когда Ольга Александровна, высунувъ голову изъ опущеннаго окна, крикнула твердымъ голосомъ:

— Гдѣ управляющій? Приказать ему тотчасъ очистить избу и явиться къ приказанью; помѣщица пріѣхала.

Всѣ засуетились, и черезъ нѣсколько минутъ рыдванъ остановился у избы, въ которой жилъ управляющій; между тѣмъ, какъ его жена выбиралась изъ нее наскоро, захватывая въ торопяхъ все, что попадалось ей подъ руку.

Ольга Александровна, не отдохнувши даже отъ дороги, начала съ управляющемъ бесѣду, продолжавшуюся до поздней ночи. Она хотѣла застать его въ расплохъ, и отнять у него всякую возможность обдумать дѣло и скрыть прорухи по имѣнію. Распросивъ его обо всемъ и принявъ у него счеты, она наложила на него штрафъ за слишкомъ явное мошенничество, и отставила отъ должности; но не замѣнила его никѣмъ, говоря, что будетъ сама своимъ управляющимъ, и устроитъ все при помощи старосты.

Съ этой минуты началась для нея новая жизнь. На другой же день она велѣла собрать крестьянъ, и объявила имъ, что намѣрена хозяйничать сама, что каждый долженъ обращаться лично къ ней, и что староста ничто иное, какъ исполнитель ея приказаній. Она выслушала всѣ жалобы, приняла всѣ просьбы, и удовлетворила справедливыя требованія. Глядя на эту молодую, красивую дѣвушку, крестьяне понадѣялись, что при ея управленіи можно будетъ жить спустя рукава, но не тутъ-то было. Ольга Александровна входила сама во все; сводила сче-

ты, вела переговоры съ владимірскими купцами, которымъ поставляла продукты своего хозяйства; вставала съ восходомъ солнца, отправлялась на работы, и ничто не ускользало отъ ея зоркаго глаза. При ней убирали поля и складывали скирды; при ней мѣрили рожь и овесъ, и взвѣшивали муку. Часто ей приносили обѣдъ на поле или на гумно, а вечеромъ она возвращалась утомленная домой, и засыпала сномъ поденщика, который боится пропустить урочнаго часа. Она старалась безотраднымъ, усиленнымъ трудомъ заглушить, заморить свое горе;—ей это удалось. Но, подавляя горе, она подавила и всѣ нѣжныя побужденія своего сердца: женщина была въ ней совершенно убита. Ея крутая природа могла смягчиться лишь подъ вліяніемъ любимаго человѣка, и этому вліянію подчинилъ ее отецъ. Но какъ скоро его нестало и она погрузилась въ сухія, матеріальныя заботы,—сердце ея окончательно очерствѣло. Она быстро втянулась въ проложенную себѣ колею и дала полную волю непреклонному, деспотическому своему характеру. Ни ея молодость, ни женская стыдливость не робѣли передъ самымъ грубымъ проявленіемъ власти. Крестьянъ она не притѣсняла, и не смотря на ея строгость, они были ею довольны, потому что она ихъ избавила отъ самовластія начальниковъ; но проступка она не спускала, и въ ея глазахъ раздѣвали и наказывали розгами виновныхъ.

— Старостѣ я въ этомъ дѣлѣ никогда не довѣряла, говаривала она впослѣдствіи,—попадется ему куманекъ, такъ онъ его пощадитъ; а золъ на кого, такъ совсѣмъ засѣчетъ.

Поселившись въ деревнѣ, она тщательно скрывала

свое безденежье отъ прислуги и крестьянъ; отказалась отъ всѣхъ привычекъ привитыхъ съ дѣтства, и переносила, не смущаясь, лишенія всякаго рода. Чай былъ еще тогда рѣдкостью, но она пила его съ дѣтства, и была до него большая охотница. Запасъ привезеннаго ею изъ Москвы скоро истощился, и всякій разъ какъ она посылала въ городъ, горничная напоминала ей, что надо бы купить чайку да бубликовъ;—но она отвѣчала, что по ея замѣчаніямъ чай ей вреденъ, и что она его на долго думаетъ замѣнить молокомъ со ржанымъ хлѣбомъ;—а за обѣдомъ она ѣла плохо приготовленные щи, кашу и картофель.

Въ ея тѣсной, душной избѣ не было отбоя отъ таракановъ; постель свою Ольга Александровна устроила на двухъ узкихъ скамейкахъ; и одни только образа въ золотыхъ ризахъ, и горящая передъ ними лампада, напоминали ей о роскоши, среди которой она росла.

Она отдыхала лишь по воскресеньямъ и, въ такъ называемые, *крестьянскіе дни*. Мужики шли на свою работу, а она брала книгу и уходила въ лѣсъ. Тамъ она искала прохлады и уединенія, и слѣдила за мыслію любимыхъ писателей; но сухое ея воображеніе не увлекалось ни на минуту ни поэзіей искусства, ни поэзіей природы. Она не понимала гармоніи стиха, и не отрывалась отъ чтенія когда раздавался надъ ея головой стройный птичій хоръ. Она понимала лишь практическую и разумную сторону жизни. Наука удовлетворяла ея любознательному уму, но сердце оставалось пусто, и холодѣло съ каждымъ днемъ. Самыя воспоминанія объ отцѣ теряли мало по малу свою нѣжность, и ограничились наконецъ

чувствомъ глубокаго, но довольно холоднаго уваженія. Она служила панихиды въ день его рожденія, имянинъ и кончины, и приводила часто его мнѣніе какъ законъ.

— Самъ батюшка такъ дѣлалъ;—батюшка такъ думалъ, говаривала она; и правила, завѣщанныя имъ, сроднились съ ней, и она осталась имъ вѣрна. Она никогда не отступала отъ строгаго служенія долгу, но не вносила въ исполненіе обязанности ни мягкости душевной, ни любви.

Прошла наконецъ рабочая пора и настала зима. Ольга Александровна проводила одна долгіе вечера; все было мертво, все молчало вокругъ нее,—завывала лишь буря на дворѣ или мурлыкалъ котенокъ на печкѣ. Въ это время своей жизни она начала вести записки, о которыхъ мы упомянули, и такъ увлекалась ими, что часто засиживалась за полночь и писала при тоскливомъ свѣтѣ сальной свѣчи.

Такъ провела она восемь лѣтъ въ деревнѣ, и пріобрѣла такую власть во всемъ околодкѣ, что не одни ея крѣпостные, но и приказные боялись ея грознаго слова. Она не принимала никого изъ сосѣдей, но ее знали за пятьдесятъ верстъ кругомъ, и прозвали: *царь-дѣвица*.

Помѣстья матери и брата она также объѣздила, и прожила годъ въ своемъ Орловскомъ имѣніи, гдѣ завела стеклянные заводы. Но въ продолженіи этихъ нѣсколькихъ лѣтъ, лишь разъ, одинъ только разъ, повѣяло свѣжимъ воздухомъ на эту скудную, узкую жизнь. Москва готовилась праздновать открытіе своего университета. Университетъ! любимая, долго лелѣянная мечта Шувалова,—предметъ столькихъ преній между нимъ и ея от-

цомъ! А что сказалъ бы теперь ея отецъ? А что говоритъ теперь Ломоносовъ? Не вытерпѣла Ольга Александровна, собралась въ Москву. Захотѣлось и ей видѣть открытіе университета (*). Такъ и быть, что въ ея Бѣлой дѣла еще не мало, и что посѣвы только что начались! Университетъ откроется лишь разъ, надо ѣхать!— и она поѣхала.

Въ Москвѣ никто ее не ждалъ и никто не встрѣтилъ, когда ея деревенскій цугъ остановился у крыльца. Въ эту минуту на дворѣ бѣгалъ съ обручемъ одиннадцатилѣтній ребенокъ.

— Саша, крикнула Ольга Александровна,—ты видно до сихъ поръ дѣломъ не занимаешься. Стыдно! давно пора за книжкой сидѣть. Да подойди сюда.

Мальчикъ ее не узналъ и потупился.

— Пожалуйте ручку, батюшка Александръ Александровичь, сказала въ свою очередь горничная Ольги Александровны.—Это сестрица изволили пріѣхать.

При этихъ словахъ ребенокъ пустился бѣжать къ заднему крыльцу, и отворилъ двери съ крикомъ: Матушка; сестрица пріѣхала!

Весь домъ пришелъ въ движеніе. Анна Ивановна вышла съ восклицаніями къ ней на встрѣчу, и обняла ее. Эти первыя минуты свиданія опредѣлили отношенія обѣихъ женщинъ. По словамъ Ольги Александровны, она поняла, что непріязненное ея чувство къ матери замѣнилось полнымъ равнодушіемъ, и что онѣ легко уживутся теперь вмѣстѣ. Что касается до Анны Ивановны,

(*) Университетъ былъ открытъ 26 Апрѣля, 1755 года. Указъ о его основаніи подписанъ 12 Января того же года.

она и не подозрѣвала, что дочь была, когда то, готова ее возненавидѣть, но испытывала обыкновенно въ ея присутствіи робость, походящую на страхъ; однако и это чувство изгладилось въ продолженіи трехъ-годовой разлуки, и она приняла ее съ холоднымъ радушіемъ, съ которымъ встрѣтила бы всякую другую, и забросала ее словами.

— Вотъ ужъ никакъ тебя не ожидала! Я чай тебя въ Бѣлой тоска заѣла! А Сашка то отъ тебя спрятался.— Поди сюда, глупый, вѣдь это сестра.

— Хорошо, что пріѣхала! Говорятъ иллюминація будетъ; а я, грѣшный человѣкъ, страхъ какъ люблю! Тебѣ какую комнату приготовить? Твоя то пуховиками завалена; а я такъ думаю, чего лучше комнаты моего покойника? Какъ она послѣ него осталась, такъ ее и не трогали. Сей часъ велю отпереть и ставни отворить.... Да что жъ закуски то не подаютъ?

Ольга Александровна вошла одна въ спальню отца, и затворила за собою дверь. Эта комната уже приняла запахъ давно опустѣлыхъ покоевъ, но ничто въ ней не измѣнилось. Вотъ шкапы съ книгами, вотъ письменный столъ подъ зеленымъ сукномъ, кровать; на окнѣ нѣсколько аптечныхъ стклянокъ, на стѣнѣ портретъ императрицы Анны; въ углу трость съ золотымъ набалдашникомъ, и наконецъ, открытый еще томъ натуральной исторіи Бюфона, который Ольга Александровна читала больному отцу. Что шевельнулось въ ней при видѣ этой знакомой, дорогой обстановки? Зазвучало ли въ ея сердцѣ эхо прошлаго? Шевельнулось ли въ немъ не совсѣмъ еще вымершее нѣжное чувство? Сказала ли она себѣ съ

горькимъ сожалѣніемъ, что было время когда она любила и была любима?—Объ этомъ никто не знаетъ, но вѣрно то̀, что она просидѣла долго одна въ этой комнатѣ, отказалась отъ покойной постели, и пожелала ночевать на диванѣ, гдѣ спала во время болѣзни Александра Ивановича.

Между тѣмъ Анна Ивановна сохранившая свое пристрастіе къ щегольству, приказала вынуть изъ сундуковъ всѣ свои платья, чтобъ Ольга Александровна, которая была одного съ ней роста, могла выбрать себѣ нарядъ на завтрашній день. Она выбрала gros de Tours' овое или, какъ тогда говорили, *гарнитуровое* платье съ длиннымъ шлейфомъ, и кружевной уборъ, украшеный перьями, который очень шелъ къ ея напудренной головѣ.

На другой день, она вошла одна изъ первыхъ въ храмъ Казанской Божіей матери, куда съѣхались для соборной обѣдни: университетское начальство, профессора, будущіе ученики, и наконецъ многочисленная публика. Эта общая молитва въ честь великой мысли образованности, торжественность, которой ее окружали, сильно подѣйствовали на Ольгу Александровну. Объ этомъ днѣ она говорила всегда съ одушевленіемъ. Малѣйшія его подробности врѣзались въ ея памяти, и восемьдесятъ лѣтъ спустя, она еще увлекалась разсказывая о своихъ тогдашнихъ впечатлѣніяхъ. Послѣ обѣдни говорили рѣчи въ домѣ, приготовленномъ для помѣщенія университета (*).

(*) У Воскресенскихъ воротъ. Въ немъ помѣщалась впослѣдствіи Градская Дума, съ 1863 года. Лишь въ 1756 году приказано было Сенатскимъ указомъ пріобрѣсти для университета домъ, гдѣ онъ помѣщается теперь на Моховой.

Потомъ слѣдовалъ роскошный обѣдъ въ великолѣпно убранныхъ залахъ, и наконецъ вечеромъ, не менѣе богатый ужинъ и блестящая иллюминація. Она представляла между прочимъ аллегорическую картину Парнаса: Минерва ставила обелискъ въ честь Елисаветы, а у подножья его, дѣти упражнялись въ наукахъ. Одинъ изъ нихъ писалъ завѣщенное потомству имя Шувалова; другой, руками полными вѣнцовъ и медалей, ломалъ вѣтви съ пальмоваго дерева; между тѣмъ какъ юноша съ книгой въ рукѣ восходилъ по ступенямъ къ Минервѣ. Рогъ изобилія и источникъ водъ, какъ сѵмволы будущихъ плодовъ науки, украшали подножіе обелиска.

Сплошная масса народа при звукахъ инструментальной музыки, трубъ и литавръ, тѣснилась до четвертаго часа ночи вокругъ университетскаго дома и на улицахъ къ нему примыкающихъ, между тѣмъ какъ красивые цуги шли медленно одинъ за другимъ. Вся Москва ликовала. Всѣ принимали участіе въ великомъ событіи.

Ольга Александровна, проживши нѣсколько дней въ Москвѣ, приступила къ вопросу о воспитаніи брата. Знавши неспособность матери заняться серьезнымъ дѣломъ, она сочла долгомъ позаботиться о мальчикѣ, который лазалъ съ утра до ночи по чердакамъ, бѣгалъ по двору или слушалъ сказки, которыми его забавляли сѣнныя дѣвушки. Главная задача состояла въ томъ, чтобъ удалить его отъ баловства родительскаго дома, и такъ какъ онъ былъ уже давно записанъ въ гвардію, она думала отвезти его въ Петербургъ и повѣрить знакомому ей иностранцу, который занялся бы съ нимъ науками и, въ тоже время, приготовилъ его къ военной службѣ. Она

чувствовала, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней успѣла уже опять подчинить своему вліянію слабую мать, но боялась, что горе мальчика, которому ея планъ не могъ придтись по душѣ, придастъ Аннѣ Ивановнѣ силы для сопротивленія, и потому рѣшилась переговорить сперва съ братомъ. Онъ боялся ее какъ огня, и ей не трудно было его запугать. Она стыдила его, упрекала въ невѣжествѣ, и наконецъ спросила, между тѣмъ какъ онъ стоялъ передъ ней ни живъ ни мертвъ.

— Что ты думаешь вѣкъ въ дуракахъ остаться, или хочешь наконецъ учиться?

— Хочу, матушка сестрица.

— Вотъ это дѣло! такъ я тебя отвезу въ Петербургъ; тамъ будешь учиться. Хочешь?

Онъ молчалъ.

— Да говори-же. Хочешь что ль? Вѣдь ты сей часъ сказалъ, что хочешь.

— Хочу, матушка сестрица.

— Хорошо. Тебя и матушка за это похвалитъ. Вѣдь ты ей скажешь, что хочешь?

— Скажу, матушка сестрица.

— Такъ пойдемъ же къ ней. Да только смотри, что скажешь на томъ и стой; а своихъ словъ назадъ не брать. Слышишь ли? прибавила она грозно на него взглянувъ.

И не давши ему времени опомниться, она взяла его за руку и повела къ матери; а онъ послѣдовалъ за ней съ надеждой, что мать его не отпуститъ отъ себя, и повторилъ передъ Анной Ивановной затверженный урокъ. Анна Ивановна была сильно озадачена.

— Какъ ѣхать въ Петербургъ! что это тебѣ вздумалось, Саша? спросила она нетвердымъ голосомъ, потому что догадывалась о тайной роли, которую ея дочь играла въ этомъ дѣлѣ.

— Я ему обѣщала, матушка, начала Ольга Александровна, что вы его похвалите за доброе намѣреніе, и отпустите его. Вы невозьмете грѣха на совѣсть, не потерпите чтобъ онъ росъ невѣждой. Благодари матушку, продолжала она, обращаясь къ нему, и цалуй у ней ручку.

— Да я ничего, я пожалуй согласна, говорила Анна Ивановна. Да... Какъ же онъ тамъ одинъ останется? Вѣдь ему тяжело будетъ!

— Онъ останется не одинъ, матушка. Вы знаете Карла Ѳедоровича? Ему можно довѣриться; если Саша будетъ прилежно учиться, то выйдетъ въ люди и вамъ же скажетъ спасибо. Теперь уже не то время, когда можно было вѣкъ на печкѣ лежать.

— Да кто говоритъ! Что же ты словно оробѣлъ, глупый? Вѣдь сестра права... Теперь нельзя дуракомъ жить... Карлъ Ѳедоровичь такой добрый...

— Такъ я прикажу мамкѣ собрать его въ дорогу, сказала Ольга Александровна.

— Неужто такъ скоро? Къ чему жъ такой спѣхъ? Вѣдь надо кой что приготовить.

— Мнѣ время дорого, матушка. У меня въ Бѣлой работа стоитъ.

Анна Ивановна, не понимая сама какъ дѣло такъ скоро уладилось, стала хлопотать объ отъѣздѣ. Слезы блестѣли часто въ ея глазахъ, когда она глядѣла на сына;

и любовь къ нему выразилась, по обыкновенію, огромнымъ запасомъ пироговъ и пряниковъ, которымъ она его снабдила на дорогу.

— Какъ то онъ, сердечный, будетъ жить на чужой сторонушкѣ? говорила она. Но проявленіе чувствъ матери и сына были сдержаны присутствіемъ Ольги Александровны, которая слѣдила за ними, и не оставляла ихъ вдвоемъ. Лишь въ минуту отъѣзда Анна Ивановна дала полную волю своему горю; зарыдалъ и бѣдный мальчикъ, прощаясь съ ней, и выѣхавши изъ дома долго еще не могъ успокоиться; онъ забился въ уголъ рыдвана и утиралъ молча слезы. Ольга Александровна не приласкала его, не сказала ему добраго слова, и соскучившись наконецъ его всхлипываньями, обернулась къ нему:

— Долго ли тебѣ будетъ ревѣть? спросила она.—Что ты за военный? Ты прямая баба.

Этотъ упрекъ кольнулъ его самолюбіе, и онъ старался сдерживать слезы; но грустно ему было при воспоминаніи о матери, о всѣхъ домашнихъ, о родномъ покинутомъ гнѣздѣ. Онъ понималъ, что среди чуждыхъ ему людей онъ не найдетъ ни ласки, ни баловства, ни изнѣженной жизни. Во все продолженіе долгаго пути Ольга Александровна не сказала ему двадцати словъ; но въѣзжая въ Петербургъ дала ему надлежащія наставленія о томъ какъ надо заниматься, и прибавила въ заключеніе:

— Карлъ Ѳедоровичь мнѣ напишетъ если будетъ тобой недоволенъ, тогда я пріѣду и раздѣлаюсь съ тобой по своему. Ты это помни.

Она остановилась у старой тетки своей матери; стала

хлопотать о братѣ, скоро пристроила его, какъ желала, и мальчикъ былъ тáкъ радъ разстаться съ матушкой сестрицей, что Карлъ Ѳедоровичъ, къ которому онъ попалъ на руки, добрый, но съ виду сухой и строгій нѣмецъ показался ему воплощеннымъ ангеломъ.

А Ольга Александровна, покончивши съ своимъ дѣломъ, повидалась съ отцовскими пріятелями, вспомнила съ ними о быломъ, поздравила Шувалова, какъ основателя и куратора перваго русскаго университета, оставила Петербургъ, и отдохнувши сутки въ Москвѣ, возвратилась въ Бѣлую, гдѣ прожила до той минуты, когда привела имѣніе въ цвѣтущее состояніе, устроила хозяйство на прочныхъ основаніяхъ, и тогда только переселилась опять въ Москву.

Въ друзьяхъ она не нуждалась. Сухое ея сердце не искало отголоска въ другомъ сердцѣ, но свѣтлый умъ требовалъ пищи. Не смотря на довольно значительные доходы, она была расчетлива, однако не жалѣла денегъ на все, что могло удовлетворить ея умственнымъ потребностямъ или любознательности. Въ театръ она ѣздила постоянно, подписалась на Московскія Вѣдомости, и прибавляла къ отцовской библіотекѣ всѣ вновь выходящія книги. Но кромѣ того, ей была нужна живая бесѣда, обмѣнъ мыслей и понятій, и она составила себѣ кружокъ изъ университетскихъ профессоровъ и людей образованныхъ, которыхъ выбрала изъ среды общества.

Они проводили долгіе вечера въ ея скромной гостиной, обставленной бóльшими шкапами съ книгами, и скудно освѣщенной двумя свѣчами; толковали о политическихъ и философскихъ вопросахъ того времени, или читали

недавно появившуюся статью французскихъ энциклопедистовъ. Понятно, что на эти вечера она не приглашала женщинъ, потому что онѣ бы соскучились у нея, а главное потому, что не было въ Москвѣ женщины, которая не говорила бы безъ ужаса о *мужскихъ* вечерахъ царь-дѣвицы. Что касается до нея, она ни въ чемъ не стѣснялась, не подчинялась принятымъ обычаямъ, выѣзжала одна, и высказывала громко понятія, приводившія въ изумленіе ея слушателей. Но не смотря на ея разладъ съ обществомъ, это самое общество ее уважало, и она была почетной гостьей тамъ куда являлась. Она слыла женщиной странной, не признающей никакихъ общественныхъ законовъ; но въ сущности всѣ знали, что на *мужскихъ* вечерахъ, возбуждающихъ общій говоръ, она держала себя строго, безукоризненно; всѣ знали ея почтительное обращеніе съ матерью, всѣ уважали ея умъ, и наконецъ порицатели ея познаній понимали смутно, что эти познанія ставятъ ее выше ихъ.

О своемъ туалетѣ она мало заботилась, и говорила обыкновенно:—Попа и въ рогожѣ узнаютъ. Я въ своемъ дешевомъ платьѣ сяду на ряду съ щеголихами. Онѣ въ атласѣ и бархатѣ, а первыя поклонятся мнѣ—а не я имъ.

Она была всегда одѣта съ ранняго утра, и вела въ Москвѣ туже дѣятельную жизнь, что и въ деревнѣ. Анна Ивановна сдала ей свое хозяйство, потому что чувствовала свою неспособность, знала что въ ея рукахъ все идетъ прахомъ, что въ рукахъ дочери все спорится, и сложила съ себя радостно докучныя заботы. Ольга Александровна учредила немедленно строгій порядокъ въ

домѣ, при общемъ ропотѣ праздной, разжирѣвшей дворни, привыкшей къ совершенной анархіи. Однако никто не смѣлъ показать косаго вида; но недовольныя изъ числа служанокъ изливали иногда свое горе передъ барыней.

— Теперь пошли другіе порядки, не то что при васъ, матушка наша, голубушка, говорили онѣ, цалуя ея руки.—Вѣстимо дѣло: мы холопы подневольные, и на Ольгу Александровну роптать не смѣемъ, а точно подъ часъ обидно бываетъ. А за васъ, мать родная, вѣкъ будемъ Бога молить. Жили мы у васъ, что у Христа за пазухой.

Анна Ивановна, въ тайнѣ души, тѣмъ болѣе радовалась новому порядку вещей, что отвѣтственность лежала не на ней въ глазахъ домашнихъ, между тѣмъ, какъ заботливостью дочери ни одна изъ ея привычекъ не была нарушена, и она пользовалась бо́льшимъ комфортомъ нежели прежде. Однако она глубоко умилялась передъ подобными изліяніями, вздыхала, когда превозносили ея доброту, выслушивала всевозможныя сплетни на счетъ новой хозяйки, и въ утѣшеніе недовольной, а также чтобъ поддержать въ ея глазахъ имя *матери родной*, дарила ей, никуда уже негодный, старый *робронъ*.

На вечера дочери она попробовала явиться. Ольга Александровна встала и уступила ей свое мѣсто, лишь только она вошла. Анна Ивановна старалась вслушаться въ разговоръ съ тѣмъ, чтобъ принять въ немъ участіе, но мысли ея стали путаться, и она чуть не заснула.

— Что-то больно мудрено вы говорите, замѣтила она безцеремонно, поднимаясь съ своего кресла. Ныньче че-

резъ чуръ умны стали! Толкуйте себѣ, а я уберусь на свою половину.

Ольга Александровна проводила ее до дверей, и она уже не возобновляла подобной попытки, а ограничилась своимъ обществомъ, которое собиралась обыкновенно на *ея половину*. Часто между тѣмъ какъ на одномъ концѣ дома толковали о послѣдней лекціи Шадена или Барсова (*), на другомъ, Анна Ивановна усаживалась съ своими гостями около стола уставленнаго разными сластями, и веселое общество хохотало до слезъ остротамъ шутихи *Матрешки*; или какая нибудь знахарка, выбранная изъ среды дворни, потѣшала господъ гаданьемъ на бобахъ.

Однако красота Ольги Александровны еще не увядала: многіе увлекались ею; многіе искали руки красивой, умной дѣвушки. Но ничто ее не плѣняло въ супружествѣ, никогда не задумывалась она надъ словами: жена и мать,—и отказывала всѣмъ на отрѣзъ.

— Почему вы не вышли замужъ? спрашивала однажды ея знакомая, давно уже посѣдѣвшая старуха.

— Почему? отвѣчала она,—а потому что меня напрасно считаютъ умной женщиной. Вѣкъ слышу, что жены говорятъ мужьямъ: «Какъ ты хочешь». Сколько разъ пыталась я понять, какимъ образомъ такое слово говорится, и какъ не напрягала свой умишко—всетаки понять не могла. У меня всегда выходило: «какъ я хочу.» —Оттого и не пошла замужъ.

(*) *Шаденъ* профессоръ математики, а впослѣдствіи русской словесности. *Барсовъ* профессоръ философіи.

IV.

Наконецъ прошла и ея молодость, но она не пожалѣла о ней, потому что ничего не утратила съ годами, сохранила тѣже привычки, и вела тотъ же образъ жизни. А для Анны Ивановны наступила пора морщинъ и сѣдыхъ волосъ; однако и Анна Ивановна мало измѣнилась: она плела по прежнему кружево отъ скуки, придумывала для своихъ шутихъ затѣйливые костюмы, слушала сплетни сѣнныхъ дѣвушекъ, и смотрѣла еще бодро и здорово, но неожиданное потрясеніе сокрушило вдругъ ея силы.

Наступила чума: раздался стонъ въ Москвѣ, загудѣли заунывные колокола; улицы усѣялись трупами, которые каторжники подъ надзоромъ полицейскихъ тащили крючьями до клабища, чтобъ не прикоснуться къ нимъ руками. Живые боялись обнять въ послѣдній разъ дорогихъ покойниковъ. Умирали въ домахъ, умирали на площадяхъ, на улицахъ,—проходили мѣсяцы, и помощь не являлась.

Никто не предвидѣлъ конца бѣдствія. Казалось, что столица была обречена совершенной гибели; что ангелъ смерти, пролетая надъ ней не пощадитъ ни одного изъ ея жителей.

Лишь только распространился слухъ о болѣзни, Ольга Александровна приняла всевозможныя предосторожности. Она приказала запереть ворота, строго запретила людямъ выходить на улицу, заботилась постоянно о томъ, чтобъ на застольной готовили здоровую пищу, и чтобъ въ людскихъ поддерживали свѣжій воздухъ. Не смотря на эти мѣры, въ лѣтніе жары занемогло въ двор-

нѣ пять человѣкъ; ихъ отдѣлили немедленно отъ прочихъ, но спасти не могли. Однако этимъ и ограничалась смертность въ домѣ.

Протекло лѣто, но осенніе дни не прекратили заразы. Ко всѣмъ ея ужасамъ присоединилось новое еще бѣдствіе; чернь пользуясь общимъ страхомъ врывалась среди бѣлаго дня въ дома, гдѣ послѣдніе жители боролись еще со смертью, и въ ихъ глазахъ грабила все, что попадалось подъ руку.

Испуганный Салтыковъ (*) бѣжалъ, покидая смерти и разбою, беззащитный городъ и Еропкинъ принялъ самовластно начальство.

Москва представляла ту страшную картину, о которой говоритъ пророкъ: «Будетъ край опустошенъ и ограбленъ, ибо Господь такъ изрѣкъ. Земля одѣлась въ трауръ, она пала; міръ въ уныніи—онъ палъ; начальники города въ уныніи.» (*)

Не умолкали стоны умирающихъ и скорбный плачъ женщинъ. Анна Иванова проводила цѣлые дни въ молитвѣ или въ слезахъ, вызванныхъ безсильнымъ страхомъ, и успокоивалась немного лишь въ присутствіи дочери, какъ ребенокъ боящійся тьмы дышетъ свободнѣе, когда чувствуетъ возлѣ себя присутствіе взрослаго. Разъ обѣ женщины сидѣли въ садовой аллеѣ. Небо было пасмурно; желтые листы покрывали землю, надъ ними каркали стаи воронъ и навѣвали тоску на душу. Казалось, что сама природа принимала участіе въ горѣ людей.

(*) Московскій Губернаторъ.

(*) Иссаія. Глава XXIV.

— Охъ! Олюшка! говорила Анна Ивановна,—сердце мое чуетъ бѣду. Дожила я свой вѣкъ; не сдобровать мнѣ! Ужъ ты похорони меня по христіански, чтобъ не выбросили на улицу мое грѣшное тѣло.

Между тѣмъ какъ Ольга Александровна старалась ее успокоить, ихъ слухъ былъ пораженъ отдаленнымъ гуломъ, походящемъ на раскаты морскихъ волнъ. Онъ становился яснѣй по мѣрѣ того какъ приближался, и наконецъ дикіе крики раздались на улицѣ. Мимо садоваго забора бѣжали толпы народа вооруженные кольями, дубинами и топорами. Среди нестройныхъ возгласовъ черни, можно было разобрать, сопровожденное проклятіями имя Амвросія. Возстаніе росло съ каждой минутой, массы народа сгущались на улицахъ, и наконецъ раздался со всѣхъ сторонъ звонъ набата. Вдругъ изъ сосѣдней аллеи выбѣжали двѣ сѣнныя дѣвушки съ отчаяннымъ крикомъ:

— Матушка барышня! бѣда! наша дворня взбунтолась!

Анна Ивановна опустилась блѣдная на колѣни.

— Пропали! пролепетала она.

— Вы насъ губите, матушка, воскликнула Ольга Александровна, подымая ее на своихъ крѣпкихъ рукахъ. Безжизненная голова старушки склонилась на грудь.

— Донести ее заднимъ крыльцомъ домой, сказала торопливо Ольга Александровна, передавая мать на руки женщинъ, а сама добѣжала, не переводя духъ, до садовой калитки, отворила ее, и вошла медленнымъ и твердымъ шагомъ на широкій дворъ.

Человѣкъ тридцать дворовыхъ, вооруженные чѣмъ по-

пало, выбѣгали въ смятеніи изъ людскихъ избъ. Между ними слышались грубый хохотъ и крики:

— Чуръ не робѣть! Помни же,—добычу поровну!— И на нашей улицѣ праздникъ! Спасибо чумѣ—кормилицѣ! Идемъ ребята!

Они направлялись къ запертымъ воротамъ. Ольга Александровна пошла къ нимъ на встрѣчу тѣмъ-же спокойнымъ шагомъ.—Ея безстрашное сердце не дрогнуло.

— Стой!... Куда вы? крикнула она.

Они остановились. Сила была съ ихъ стороны, но они такъ давно привыкли повиноваться этому повелительному голосу! Наступила минута колебанія, и Богъ знаетъ чѣмъ бы она разрѣшилась, еслибъ Ольга Александровна не положила ей конца однимъ словомъ:

— Шапки долой!

Всѣ сняли шапки. Она поняла, что побѣда останется за ней, и впродолженіи нѣсколькихъ секундъ продержала вооруженную толпу подъ тяжестью своего гнѣвнаго взора. Всѣ потупились.

— А?... бунтовать?... промолвила она наконецъ. — Кто зачинщикъ?

Никто не отозвался.

— Кто зачинщикъ?... повторила она.—Выдавайте его, или всѣхъ подъ судъ!

Нѣсколько головъ обернулось назадъ, какъ будто кого-то отыскивая.

— Егоръ... произнесъ наконецъ вполголоса, стоящій въ среднемъ ряду молодой парень.

— Егорка, сказала она, возвышая голосъ,—выходи сюда.

Егоръ, плотный, рыжій, рябой, сороколѣтній мужикъ съ зеленоватыми глазами вышелъ изъ толпы, потупя голову и держа въ рукахъ топоръ, который бросилъ на землю, и остановился передъ Ольгой Александровной. Онъ былъ очень блѣденъ.

— Помилуй, матушка! пролепеталъ онъ,—больше по глупости!...

— Надѣть на него кандалы, и стеречь его, отозвалась царь-дѣвица.

Нѣсколько человѣкъ окружили Егора, который не сопротивлялся.

Она продолжала:

— Вы его головой выкупили свои головы, но вы шли на разбой, и будете всѣ наказаны розгами.

Распорядившись на счетъ чередовой стражи, которой былъ порученъ Егоръ, она вернулась домой, и вошла въ комнату матери. Анна Ивановна очнувшись отъ обморока впала въ заб~~венье~~. Между тѣмъ уличный мятежъ возрасталъ. Въ продолженіи всей ночи жители Москвы не гасили огней и не забывались сномъ. На другой день, ликующая чернь провозглашала съ радостными кликами смерть злодѣя, и требовала новыхъ жертвъ. Тогда, оспаривая у чумы ея добычу, загудѣли пушки, и скоро потянулись по улицамъ длинныя дроги съ грудами тѣлъ, оставлявшихъ кровавый слѣдъ на своемъ пути. (*)

(*) Позволю себѣ привести здѣсь случай, который не относится къ моему разсказу, но заинтересуетъ безъ сомнѣнія читателей. Извѣстно, что когда Амвросій бѣжалъ въ Донской монастырь отъ бунтующей толпы, архимандритъ монастыря спряталъ его на церковныя хоры, какъ скоро мятежники приблизились. Они обы-

Оказалось, что за два дня предъ тѣмъ, приходилъ изъ сосѣдняго дома къ Егору кучеръ по прозванію Волкъ, и уговаривалъ его идти на грабежъ, увѣряя, что если подняться дружно, то можно дня въ три *набить мошну*, и тогда бѣжать изъ Москвы. Егоръ выслушалъ съ сочувствіемъ задуманный планъ, и обѣщался склонить на него бо́льшую часть дворни. Ему удалось, и ждали только удобной минуты для начинанья благого дѣла, но мятежъ поднявшійся противъ ахріерея обманулъ заговор-

---

скали напрасно церковь, и собирались уже покинуть храмъ съ убѣжденіемъ, что архіерей скрывается въ другомъ мѣстѣ, когда ребенокъ лѣтъ восьми, увидалъ къ несчастью полу его рясы, и указалъ на нее толпѣ.

Прошло много лѣтъ послѣ страшной драмы, совершившейся въ Донскомъ монастырѣ. Дмитрій Николаевичь Бантышъ-Каменскій, близкій родственникъ Амвросія, былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Тобольскъ. Многимъ еще памятна его благородная дѣятельность и гуманность, которую онъ обнаружилъ впродолженіи своей долголѣтней службы. Бывши въ Березо́вѣ, онъ хотѣлъ видѣть каторжниковъ, и убѣдиться, что ихъ не притѣсняютъ и содержатъ прилично. Какъ скоро онъ явился между ними, сѣдой старикъ бросился съ рыданіями къ его ногамъ. Губернаторъ его поднялъ и спросилъ чего онъ желаетъ?—Одного только прошу, отвѣчалъ старикъ, прошу чтобъ ты за меня помолился и отпустилъ мнѣ тяжкій мой грѣхъ.

— Я не святой, возразилъ Дмитрій Николаевичь, и не могу предлагать никому своихъ молитвъ, ни отпускать грѣховъ. Молись самъ, и Богъ тебя помилуетъ.

— Нѣтъ, ты за меня помолись, настаивалъ старикъ. Я давно тебя ждалъ. Мнѣ сказывали, что ты приходишься близкимъ родней архіерею Амвросію, котораго убили во время моровой язвы,—а вѣдь я его выдалъ! Я былъ еще тогда ребенкомъ, и указалъ его народу. Во многомъ былъ я грѣшенъ съ тѣхъ поръ, вотъ и сюда попалъ; да не одно преступленіе такъ тяжело не лежитъ на моей совѣсти, какъ смерть Амвросія. Кровь его на меня вопіетъ. Ты ему не чужой; прости меня за него; помолись за меня,—и мнѣ легче будетъ.

Этотъ фактъ относится къ концу царствованія Александра 1-го, и былъ мнѣ переданъ дочерью Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.

щиковъ. Они вообразили, что вся чернь возстала для общаго грабежа, и спѣшили присоединиться къ ней; тогда-то Ольга Александровна и остановила ихъ. Егоръ былъ отданъ подъ судъ и сосланъ, остальные наказаны дома розгами.

V.

Наконецъ зараза прекратилась, и все успокоилось; но въ городѣ не было почти семейства не оплакивающаго горестной утраты. Анна Ивановна не потеряла никого изъ своихъ близкихъ, да и близкихъ у ней не было, за исключеніемъ сына; но отъ страха поразившаго ея, она оправиться не могла. Силы ея не возстановились, разсудокъ ея невозвратно былъ потрясенъ и она прожила еще лѣтъ пять въ самомъ жалкомъ состояніи. Своей комнаты она не покидала, дремала иногда по нѣсколькимъ днямъ сряду, принимала полусонная пищу и впадала опять въ заб~~венье~~ вытье; иногда на нее находили припадки грустнаго помѣшательства. То̀ ей мерещилось что страшный недугъ опустошаетъ опять городъ; она находила у себя несомнѣнныя проявленія заразы, и просила со слезами, чтобъ ее похоронили по христіанскому обряду;—то ей мнилось, что начинается народное возстаніе, и она пряталась подъ кровать, умоляя чтобъ ее не зарѣзали. Въ особенности осенніе дни и видъ пожелтѣвшихъ листьевъ, напоминающій ей страшную минуту, навѣвали на тоскующую душу мрачныя грёзы. Ольга Александрова поставила себѣ долгомъ исполнять всѣ ея прихоти, и приставила къ ней трехъ женщинъ, которыя оставались неотлучно при больной.

Онѣ были освобождены отъ всякаго другаго дѣла, и получили даже позволеніе сидѣть за своей работой, лишь бы работа имъ не мѣшала исполнять свои обязанности. Съ ранняго утра онѣ усаживались около Анны Ивановны со своими веретенами или съ шитьемъ, и забавляли ее то́ сказками, то́ пѣснями, а иногда придумывали для нее разныя игры. Но Ольга Александровна не довѣрялась имъ вполнѣ, и входила въ комнату по нѣскольку разъ въ день, чтобъ наблюдать за ними. Кромѣ того она отдала имъ строгое приказаніе докладывать ей когда бы мать ее не потребовала. Разъ больная потребовала ее ночью, и Ольгу Александровну немедленно разбудили.

— Олюшка, сказала бѣдная старушка, обращая безпокойный взоръ на блѣдный свѣтъ лампады,—посмотри какъ темно, мнѣ страшно. Вѣдь тамъ гдѣ то взбунтовались. Что́ если сюда придутъ?... Оставайся здѣсь; они тебя побоятся.

Ольга Александровна сѣла около кровати, и приказала освѣтить комнату. Страхъ больной разсѣялся вмѣстѣ съ мракомъ.

— Ну теперь хорошо, видишь какъ хорошо, какъ свѣтло! сказала она улыбаясь, — Посиди около меня, а Фимка намъ разскажетъ про Бову Королевича.

Она задремала подъ звукъ однообразнаго говора сказочницы, а Ольга Александровна встала.

— Не гасить огня до разсвѣта, Фимка, сказала она вполголоса,—и чтобъ здѣсь горѣли каждую ночь двѣ свѣчи. Если матушка меня позоветъ, разбуди меня опять.

Иногда Анна Ивановна просыпалась среди ночи, и

обманутая горящими свѣчами, увѣряла, что пора ужинать. Тогда разводили огонь на кухнѣ, разогрѣвали всегда приготовленное наканунѣ кушанье, накрывали столъ и ставили на него блюда. Но старушка отказывалась ужинать одна, и приказывала позвать дочь, которая являлась полусонная и садилась за столъ. Потомъ она прощалась съ матерью, какъ дѣлала обыкновенно каждый вечеръ, и уходила опять къ себѣ. Случалось не рѣдко, что Анна Ивановна ужинала раза по два въ зимнюю ночь.

Между тѣмъ Ольга Александровна не измѣняла ни въ чемъ своихъ привычекъ: хозяйство, книги, театръ, бесѣды избраннаго кружка и рѣдкія появленія въ свѣтъ наполняли по прежнему ея жизнь. Надо прибавить однако, что она отказывалась безъ ропота отъ самыхъ любимыхъ занятій, какъ скоро того требовала фантазія больной. Анна Ивановна, когда проходили ея болѣзненные припадки, сознавала свое грустное положеніе и благодарила дочь за ея уходъ и попеченіе.

— Спасибо тебѣ, Олюшка, говорила она,—Богъ тебя не оставитъ за то̀, что ты не покинула меня въ старости, да въ болѣзни.

— За что вы меня благодарите, матушка, отвѣчала Ольга Александровна,—мнѣ было бы грѣшно и стыдно не исполнять своихъ обязанностей.

Но когда больная вспоминала о сынѣ, слезы дрожали въ ея голосѣ.

— Какой онъ ко мнѣ ласковый былъ, мой голубчикъ! говорила она разъ,—а теперь и приласкать-то меня нѣкому. Ужъ видно умру его не увижу!

Она заплакала.

— Если вы прикажете,, матушка, отозвалась Ольга Александровна, — я напишу брату, чтобъ онъ взялъ отпускъ и побывалъ въ Москвѣ.

— А развѣ можно Олюшка?... Ужъ то-то я рада бы была! то-то рада! Вѣдь мнѣ давно хочется, да все думаю, что ты не позволишь.

— Кажется, матушка, что я вамъ ни въ чемъ не прекословлю.

— Да кто же говоритъ, Олюшка! Кто же говоритъ! Ты меня не слушай, — вѣдь я такъ... Ты видишь, у меня разсудокъ плохъ... А ты мнѣ примѣрная дочь, — развѣ я не знаю?... Тебя и Богъ за это наградитъ. А къ Сашѣ то ты напишешь, Олюшка?

Въ тотъ же день Ольга Александровна написала къ брату.

Тяжело ему было въ первое время его пребыванія въ Петербургѣ; трудно было послѣ домашней свободы и материнскаго баловства привыкнуть къ методическому порядку мѣщанскаго нѣмецкаго семейства, и къ справедливымъ требованіямъ Карла Өедоровича. Но понимая, что надо покориться волей-неволей судьбѣ, и напуганный *матушкой сестрицей*, онъ принялся, скрѣпя сердце, за ученіе, и учился прилежно—но безъ большаго успѣха. Мало по малу онъ привыкъ наконецъ къ новой средѣ, но мечталъ постоянно о счастливыхъ годахъ дѣтства, проведенныхъ въ Москвѣ, о блаженной жизни посвященной играмъ или лѣни, о сладкихъ яствахъ домашней кухни, объ уютной комнаткѣ гдѣ онъ засыпалъ каждый вечеръ, между тѣмъ какъ мамка сидя на сунду-

кѣ около его кровати, разсказывала о чудесахъ какого нибудь святаго пустынника, или о подвигахъ сказочныхъ богатырей. Наконецъ молодой человѣкъ вступилъ въ службу. Не по душѣ пришлись ему лагерь и военная дисциплина; однако онъ привыкъ и къ нимъ, благодаря своей сговорчивой природѣ. Онъ былъ человѣкъ лимфатическаго темперамента, ограниченнаго ума, неповоротливый, лѣнивый, застѣнчивый и добрый, но доброты пассивной, какъ всѣ люди ничтожные. Еслибъ онъ былъ воленъ располагать собой, то избралъ бы несомнѣнно другой образъ жизни; но попавши мимо своей воли въ чужую колею, онъ въ ней оставался, и ему даже въ голову не приходило, что онъ могъ бы изъ нее вырваться.

Мало того, впродолженіи многихъ лѣтъ онъ не догадался взять отпуска и пріѣхать въ Москву, куда относились всѣ дорогія его воспоминанія. Къ своимъ онъ писалъ раза три—четыре въ годъ на имя сестры, и получалъ отъ нее посланія поддерживающія страхъ, который она умѣла ему внушить. Что касается до Анны Ивановны, которая по своему выраженію не *обрѣталась въ авантажѣ* на счетъ грамотности, она справлялась обыкновенно нѣтъ ли какой оказіи въ Петербургъ, и пересылала ему чрезъ отъѣзжающихъ, разныя домашнія лакомства. Такимъ образомъ они провели бы вѣроятно остатокъ жизни въ вѣчной разлукѣ и въ безплодномъ сожалѣніи другъ о дружкѣ, еслибъ имъ не пришло на помощь вмѣшательство Ольги Александровны.

Получивъ ея письмо, гвардеецъ чуть не заплакалъ отъ радости, какъ будто бы возможность оставить Петер-

бургъ не существовала для него до тѣхъ поръ, и собрался немедленно въ дорогу. Во все продолженіе пути, воображеніе рисовало передъ нимъ съ новой силой картины прошлаго. Никогда можетъ быть онъ не испытывалъ такого чувства нетерпѣнія . . . Но вотъ наконецъ и Московская застава, вотъ немощеная улица гдѣ стоитъ ихъ домъ; уже виднѣются издали сѣдыя ветлы сада и красивыя кисти высокихъ рябинъ;—и путешественникъ въѣзжаетъ на ширскій дворъ, пересѣченный множествомъ тропинокъ, и узнаетъ крытую подгнившимъ тесомъ баню, около которой онъ бѣгалъ съ обручемъ, когда привѣтствовала его, двадцать лѣтъ тому назадъ, *матушка сестрица* своимъ милостивымъ словомъ. Онъ входитъ съ влажными глазами на крыльцо, между тѣмъ какъ изъ людскихъ избъ выбѣгаютъ толпой дворовые съ крикомъ: «Баринъ! Баринъ!» и сама Ольга Александровна выходитъ къ нему на встрѣчу.

Она такъ мало измѣнилась, что онъ узналъ ее немедленно, подошелъ къ ея ручкѣ, и покраснѣлъ подъ ея пытливымъ взоромъ.

— Ты росъ то не лѣнился, замѣтила она,—да кажется все такой же мякушкой остался. Ужъ вижу что расхныкался. Ну! пойдемъ къ матушкѣ.

Они вошли. День былъ ясный; свѣтлое солнце заглядывало въ окно и располагало старушку къ веселому настроенію духа. Она сидѣла въ большихъ креслахъ, и смотрѣла, улыбаясь, на котенка, играющаго на полу съ клубкомъ шерсти.

— Вотъ вамъ гость изъ Петербурга, матушка, ска-

зала Ольга Александровна, шедши впереди брата, и высокая его фигура выглянула изъ за нее.

— Саша! голубчикъ мой! родной мой! воскликнула Анна Ивановна, обвивая дрожащими руками шею красиваго капитана, уже стоящаго на колѣняхъ передъ ея кресломъ; и рыданія сына и матери раздались въ комнатѣ.

— Ну полноте, матушка, успокойтесь, говорила Ольга Александровна. — Встань! продолжала она обращаясь къ брату,—ты только разстроиваешь матушку.

— Нѣтъ! нѣтъ! оставь его, Олюшка, возразила старушка, всхлипивая и удерживая сына.—Вѣдь я его, сокола моего яснаго, цѣлыхъ двадцать годовъ не видала; вѣдь и не узнала бы его, ей Богу, не узнала бы! — Я чай проголодался, голубчикъ, умаялся съ дороги? . . . Угостить бы его, Олюшка; да прикажи къ вечеру баню истопить, чтобъ онъ хорошенько попарился.

Было столько общаго въ характерахъ и вкусахъ матери и сына, что они съ первой же минуты спѣлись, и стали жить душа въ душу, какъ будто бы никогда не разставались. Александръ Александровичь наслаждался опять той жизнію, внѣ которой его мать ничего не видала съ тѣхъ поръ, какъ миновала ея молодость, и къ которой его манили постоянно всѣ его наклонности. Онъ даже и молодости не заплатилъ дани: париться въ горячей банѣ, жирно ѣсть и сладко пить, нѣжиться и лелѣять свою лѣнь, другаго блаженства онъ не понималъ и былъ вполнѣ счастливъ когда Анна Ивановна угощала его дымящимися блинами и пирогами, которые онъ заливалъ пѣнистымъ медомъ, между тѣмъ какъ Фимка

досказывала начатую наканунѣ сказку. Еслибъ вѣкъ такъ прожить, да еслибъ не *матушка сесирица*, такъ—и умирать бы не надо, думалъ онъ.

Отношенiе его къ сестрѣ образовались также на прежнихъ основанiяхъ. Она угадала изъ писемъ брата характеръ его и сближенiе съ нимъ не прибавило ничего къ понятiямъ, которыя она себѣ составила о немъ. Разъ она вошла въ комнату матери и застала пиръ во всемъ разгарѣ; накрытый столъ, сказочницу, завершавшую скороговоркой свое повѣствованiе: «Я тамъ была и медъ пила...» И шутиху, одѣтую въ полосатое яркихъ цвѣтовъ платье, и ожидающею чести потѣшить въ свою очередь господъ. Ольга Александровна бросила на сiяющее лицо брата такой пронзительный взглядъ, что капитану захотѣлось провалиться сквозь землю. Яркая краска покрыла его нѣжное лицо; онъ вскочилъ сконфуженный со своего мѣста, и оглядѣлся съ принужденной улыбкой.

— Сиди, сиои, сказала *матушка сестрица*, натѣшившись его замѣшательствомъ. Я тебѣ не помѣха; вѣдь ты занятъ.—У всякаго свое дѣло.

И она вышла изъ комнаты.

— Что Олюшка говоритъ? спросила безпокойнымъ голосомъ Анна Ивановна, которая не слѣдила за этой маленькой сценой, но догадывалась смутно о недоброжелательномъ отзывѣ Олюшки. Коли она что нибудь такое, ты не печалься, мой родной. Вѣдь ей не любо, что мы по простотѣ живемъ: ей бы все за книжками сидѣть, да съ нынѣшними разумниками толковать. Гдѣжъ намъ за ней! Ужъ очень она умна! Вся въ покойника. Онъ ее за

умъ и любилъ, а меня, мой голубчикъ, все звалъ пустой бабой. А только ужъ больно строга! Вотъ хоть бы сказать, ко мнѣ—ужъ какъ почтитольна, а все какъ будто не тò... все словно чего то боишься.

Она была такъ счастлива присутствіемъ сына, что больные ея нервы успокоились, и она стала много добрѣй и веселѣй. Судьба ее ~~не~~ по баловала; не дала ей пережить своего счастія.

Дня за два до своего отъѣзда, Александръ Александровичь пришелъ по обыкновенію позавтракать съ ней, и засталъ ее спящею.

— На нихъ напала дремота, замѣтила Фимка, или скорѣй сѣдая Афимья.

Дремота продолжалась и слѣдующій день.

— Нечего тебѣ ждать, говорила Ольга Александровна.—Въ этомъ забытьѣ она лежитъ иногда двѣ недѣли и больше. Поѣзжай завтра.

На другой день Александръ Александровичь въ своемъ дорожномъ платьѣ вошелъ въ комнату больной, помолился передъ кивотомъ, стоящимъ въ красномъ углу, потомъ нагнулся къ матери, поцаловалъ ея руки, и оставивъ на нихъ слѣды слезъ, перешагнулъ въ послѣдній разъ черезъ порогъ ея комнаты.

— А теперь, сказала ему Ольга Александровна,—мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Она увела его въ свой кабинетъ, заперла дверь и продолжала:

— Матушкѣ уже не долго жить . . .

— Помилуй Богъ! матушка сестрица! воскликнулъ онъ,—что вы это, право! Сохрани ее Господь!

— Ты меня не перебивай; я дѣло говорю. Отъ слова не сбудется, а вѣдь ты видишь, что она еле жива. Скоро все имѣніе перейдетъ къ тебѣ. Я буду имъ по прежнему управлять; тебѣ не сладить. Да пора и о другомъ подумать: ты послѣдній въ нашемъ родѣ,—надо тебѣ жениться.

— Я бы радъ, матушка сестрица.

— Слушай же; тебѣ надо дѣльную жену: вѣдь она будетъ главой въ семьѣ, а не ты. Ты самъ понимаешь, что ты ни на что не способенъ.

— Понимаю, матушка сестрица, и радъ бы, да точно вы изволите говорить, что неспособенъ.

— Да, — это дѣло безъ поправки, отозвалась она презрительно. Ты и жены выбрать не съумѣешь: я ее выберу. Надо чтобъ она могла дѣльно вести домъ, и дѣтей прилично воспитать. Вѣдь и мое имѣніе со временемъ къ нимъ перейдетъ; хочу чтобъ оно было въ хорошихъ рукахъ, и чтобъ нашего имени никто не посрамилъ.

— Матушка сестрица, я очень чувствую... промолвилъ онъ краснѣя и нагибаясь къ ея рукѣ.

— Только знай, что съ этимъ дѣломъ торопиться нельзя; его надо хорошенько обдумать. Какъ мнѣ удастся найдти дѣвушку честную, изъ хорошаго рода, и съ приданымъ—я тебѣ напишу.

— Я очень, очень чувствую, матушка сестрица... повторилъ онъ.

— Ну а теперь уѣзжай, — пора.

Онъ уѣхалъ.

Забытье Анна Ивановны продолжалось около мѣсяца.

Отъ времени до времени она открывала сонные глаза, просила кваску или медку, ѣла иногда кусокъ, и засыпала опять. Въ одну ночь Ольга Александровна была пробуждена испуганнымъ голосомъ звавшимъ ее.

Она открыла глаза, и увидала передъ собой плачущее лицо Афимьи; зажженная свѣча дрожала въ ея рукѣ.

— Что ты, Фимка? что случилось? спросила Ольга Александровна.

— Несчастье случилось, барышня,—матушка скончались.

Она вскочила съ постели и перекрестилась.

— Что же ты меня не разбудила раньше?

— Да кто же зналъ, барышня? говорила Афимья набрасывая ей душегрѣйку на плечи.—Вѣдь онѣ во снѣ скончались. Имъ Марфутка передъ этимъ меду подавала, и прилегла; а я около постели сижу, да вдругъ взглянула... Что это молъ, барыня такая блѣдная. Глядь,—а ужъ она, моя голубушка, похолодѣла.

Онѣ вошли торопливо въ комнату умершей. Синеватый свѣтъ осенней зари сливался съ блескомъ догарающихъ свѣчей. Въ корридорѣ уже слышны были вопли сбѣжавшейся прислуги. Тѣло старушки покоилось на постели; блѣдное ея лицо было тихо и спокойно; съ губъ не сбѣжала еще ни послѣдняя краска, ни послѣдняя улыбка. Ольга Александровна, положивши земной поклонъ передъ трупомъ, приподнялась медленно, и устремила глаза на мать. О чемъ она думала? Удовлетворялась ли въ эту минуту ея совѣсть сознаніемъ исполненнаго долга, или ей стало жаль бѣдной старушки, которую она никогда не потѣ-

шила нѣжнымъ словомъ, не побаловала малѣйшей лаской; на которую смотрѣла всегда такимъ оскорбительнымъ взглядомъ? А эта незлобливая, дѣтская природа такъ мало требовала отъ жизни, такъ было легко одарить ее счастьемъ!—Кто знаетъ?...

Но вдругъ въ дверяхъ показалась знакомая сѣдая голова.

— Левка! ты что̀? воскликнула въ испугѣ Ольга Александровна, узнавши камердинера брата.

— Прогнѣвался на насъ Господь, матушка, отвѣчалъ онъ рыдая.—Приказалъ вамъ братецъ долго жить.

Она поблѣднѣла и не отозвалась. Старикъ началъ опять:

— Всего три денька полежалъ мой родимый. Христіанскій долгъ исполнилъ, и приказалъ мнѣ матушкѣ низкимъ поклономъ поклониться, и васъ, за ваши богатыя милости поблагодарить, заключилъ онъ кланяясь ей въ ноги.

Слеза блеснула въ ея глазахъ.

— А здѣсь то какое горе! говорилъ онъ всхлипивая.—Я на третій день, какъ выслушалъ обѣдню, такъ и выѣхалъ. Гробъ засмолили, потому мы на счетъ похоронъ не посмѣли... Какъ вы прикажете.

— А меня кто жъ похоронитъ?... промолвила Ольга Александровна, и опустилась на колѣни.

Въ тотъ же вечеръ она говорила родственникамъ, пріѣхавшимъ на панихиду:

— Матушка была уже въ такихъ лѣтахъ... и все больная, а вотъ брата жаль. Плохъ онъ былъ, нечего

сказать, а добрый малый, безотвѣтный, и незлобливый такой... Опять же послѣдній въ нашемъ родѣ. Что дѣлать! Видно такъ Богу угодно.

Т. Толычева.

КРЕСТНИЦА ИМПЕРАТРИЦЫ
АННЫ ІОАННОВНЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (*)

I.

Прошло тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ описанныхъ нами событій, и читатель видитъ передъ собой старуху съ сухимъ и строгимъ выраженіемъ лица. Голосъ ея звонокъ какъ у молодой; не сгорбился восьмидесятилѣтній ея станъ; походка тверда, движенія быстры; она наслаждается несокрушимымъ здоровьемъ и всѣ дивятся свѣжести ея умственныхъ способностей, но никому не внушаетъ она того трогательнаго чувства уваженія, которое мы привыкли испытывать при видѣ сѣдыхъ волосъ и морщинъ. Никто не слыхалъ отъ неё кроткой, старческой рѣчи; никто не целовалъ съ любовью ея худой, блѣдной руки, никто не просилъ ея благословенія. Не пользуется Ольга Александровна правомъ старости приголубить, приласкать, а иногда и пожурить молодежь, и молодежь не обращается къ ней за ласко-

(*) См. С. В. № 10-й.

вымъ словомъ или за разумнымъ совѣтомъ; не собирается около нея въ долгіе зимніе вечера съ просьбой разсказать о старинѣ, о замѣчательныхъ личностяхъ ея времени, и о томъ какъ черная смерть опустошала Москву. Иногда Ольга Александровна пускается сама въ разсказъ о быломъ, и если кто нибудь позволитъ себѣ переспросить у неё не разслышенное слово, или поставитъ какой нибудь вопросъ, она отвѣчаетъ сухо: «я разсказываю какъ умѣю, а если кому не нравится, тотъ воленъ не слушать.» Она внушаетъ по прежнему страхъ, одинъ только страхъ. Всѣ боятся ея пронзительнаго взгляда, ея безпощаднаго слова. Друзей у нея по прежнему нѣтъ; она по прежнему живетъ сухой, одинокой жизнью безъ привязанностей, безъ страданій, за то и безъ радостей. Протекшіе тридцать лѣтъ не оставили ей не одного дорогаго воспоминанія; ни одного согрѣвающаго душу впечатлѣнія, но она купила три дома въ Москвѣ, удвоила свои доходы и отдала въ ломбардъ значительный капиталъ.

Самое даже богатство не усладило ея жизни ни счастьемъ творить добро, ни даже блескомъ роскоши. Она довольствуется сознаніемъ что богата, но не балуетъ себя ни комфортомъ, ни исполненіемъ какой нибудь прихоти. Ея бережливость перешла въ скупость, а скупость единственная страсть, которая не ослабѣваетъ, а на оборотъ усиливается съ годами, развивалась въ ней все болѣе и болѣе. Ольга Александровна отвыкала мало по малу отъ всѣхъ своихъ привычекъ. Въ театръ она еще ѣздила, но гораздо рѣже, продолжала подписываться на «Московскія Вѣдомости,» но книгъ уже не покупала,

и довольствовалась прежде собранной библіотекой. Домъ она держала скудно. Около стѣнъ стояла полинялая и потускнѣлая мебель; женская прислуга щеголяла въ затрапезныхъ платьяхъ, а мужская—въ толстомъ сукнѣ домашняго издѣлья; гостиная была освѣщена какъ и въ былое время двумя свѣчами, оставляющими во тьмѣ цѣлую половину комнаты. Нѣсколько разъ возобновлялся кружокъ собиравшійся въ ней когда то; но и тотъ сталъ рѣдѣть и наконецъ совершенно распался. Крутой нравъ хозяйки становился съ каждымъ днемъ неприступнѣе, и всѣ ее избѣгали. Одни лишь родственники и старые знакомые поставляли себѣ долгомъ являться къ ней въ нарочитые дни съ поздравленіемъ и изъявленіемъ почтенія.

Стояла надъ Москвой грозная туча двѣнадцатаго года. Пустѣли дома, по улицамъ тянулись обозы, толпились на площадяхъ массы народа;—передавались изъ рукъ въ руки афишки графа Ростопчина; послѣдніе жители покидали городъ и Бородинскія пушки уже прогремѣли! Ольга Александровна отказывалась до послѣдней минуты признать опасность. Она ввѣрялась обѣщаніямъ генералъ-губернатора, утверждала, что французовъ не допустятъ до столицы, что ихъ закидаютъ шапками; честила въ глаза трусами тѣхъ изъ ея знакомыхъ, которые собирались ѣхать въ отдаленныя имѣнія, и объявила, что не двинется съ мѣста пока непріятель не покажется въ двухъ выстрѣлахъ отъ Москвы.

Второго Сентября онъ показался на Поклонной горѣ, и струсила царь-дѣвица. Въ одну минуту поднялся весь домъ; укладывали, увязывали на скоро вещи; на дворѣ

закладывали огромную карету и телеги, которыя нагружали ящиками и узлами. Ольга Александровна, въ сопровожденіи двухъ горничныхъ и двухъ лакеевъ ѣхала въ свое владимірское имѣніе. Она поручила домъ управляющему и дворнику, приказала остальной прислугѣ идти въ село ея Шутиловку, до котораго считалось верстъ тридцать, и выѣхала въ одну заставу, между тѣмъ какъ передовые отряды французской арміи вступали въ другую.

Но не въ добрый часъ добрался караванъ до подмосковной. Прослышали мужички, что Наполеонъ идетъ на насъ съ тѣмъ, чтобъ уничтожить крѣпостное право, держали совѣтъ, и рѣшили, что въ ожиданіи воли надо присвоить себѣ все господское добро. Ольга Александровна продала около Шутиловки большое количество лѣса, съ годовой разсрочкой на уплату, и Ефимъ Гавриловъ, ея Шутиловскій управляющій, только что получилъ отъ покупателей, для передачи ей, пятнадцать тысячъ рублей. Крестьяне знавши про эти деньги пришли ночью къ управляющему, и стали, съ громкими криками, стучаться въ двери его флигеля.

Ефимъ Гавриловъ отперъ.

— Чего вамъ? спросилъ онъ.

— Подавай намъ деньги, что отъ купца Махова принялъ.

— Что вы, ребята? Аль бѣлены объѣлись?

— Бѣлены не объѣлись, а слышь Бонапартъ намъ волю дастъ.

— Чтожъ! дастъ такъ берите; на то онъ Бонапартъ. А господскаго добра я вамъ не дамъ.

— Да что съ нимъ толковать, ребята! крикнулъ широкоплечій мужикъ по прозванію кулакъ,—не дастъ добрымъ словомъ, такъ сами возьмемъ.

Они ворвались во флигель, сломали всѣ замки, вездѣ пересмотрѣли, но денегъ не оказалось.

— Онъ ихъ должно въ землю зарылъ, сказалъ одинъ изъ крестьянъ,—онъ мнѣ вчера повстрѣчался, какъ шелъ съ гумна и лопату несъ. Да ты, говори, Ефимъ Гаврилычъ, зарывалъ деньги что ль?

— Зарывалъ.

— Кой мѣсто?

— Ищите сами.

— Слушай! сказалъ кулакъ, который предводительствовалъ толпой,—либо укажи гдѣ деньги, либо мы съ тобой расправимся. Не доводи до грѣха.

— Да вы видно грѣха то не боитесь.

— Ты дѣло говори: подавай деньги что-ль.

— Не отдамъ.

— Не отдашь?

— Одно слово не отдамъ!

— Ну, такъ на себя пѣняй. Тащи его сюда, ребята. Мы съ нимъ на дворѣ поговоримъ.

На дворѣ свѣтлѣло: багровое зарево подымалось изъ за сосѣдней рощи и застилало небо. Нѣсколько крестьянъ бросились ломать розги, другіе обступили съ бранью Ефима и раздѣли его.

— Ложись! крикнулъ одинъ изъ нихъ.

Ефимъ поблѣднѣлъ и окинулъ ихъ тревожнымъ взглядомъ. Онъ какъ будто не вѣрилъ до тѣхъ поръ въ возможность исполненія угрозы.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ, ребята? промолвилъ онъ дрожащимъ слегка голосомъ,—опомнитесь. Вѣдь вы не разбойники какіе.

— Гдѣ деньги? повторилъ кулакъ.

— Ну что пустыя слова говоришь? Сбыточное ли дѣло вамъ господскія деньги выдать?

— Коли такъ ложись;—небось выдашь.

— Такъ не бывать же по вашему, дьяволы! Сѣките, коли грѣха не знаете! крикнулъ Ефимъ,—и легъ.

Кулакъ раздѣлилъ на двое принесенныя розги, взялъ въ руку одну половину, а другую отдалъ молодому парню, промолвивъ: Хорошенько его! и нанесъ первый ударъ.

Всѣ молчали. Впродолженіи нѣсколькихъ секундъ слышно было лишь свистъ розогъ разсѣкающихъ воздухъ. Вдругъ кулакъ остановился.

— Укажешь что - ль?.. Гдѣ деньги? спросилъ онъ опять.

— Не отдамъ денегъ, черти! хоть до смерти засѣките! отозвался съ бѣшенствомъ Ефимъ.

Розги засвистали опять въ воздухѣ; при каждомъ ихъ взмахѣ брызги крови орошали присутствующихъ.

— Хорошенько, хорошенько его! кричалъ кулакъ, все болѣе и болѣе ожесточаясь противъ своей жертвы. Удары сыпались все чаще и чаще. Ефимъ застоналъ.

Но вдругъ изъ за рощи показалась плачущая толпа дворовыхъ, добравшихся наконецъ до Шутиловки. Они подошли, узнали Ефима и нѣсколько голосовъ заговорили разомъ.

— Что вы, разбойники! Креста на васъ нѣтъ! И такъ

отступился отъ насъ Господь. Иль не слыхали?.. Москва въ полонѣ! Москва горитъ!

Кулакъ и усердно помогавшій ему молодой парень мгновенно остановились и опустили розги.

— Какъ горитъ? спросилъ кулакъ.

— Да нешто не видите? сказалъ старый дворецкій Ольги Александровны, указывая на зарево.

Всѣ подняли головы. Настала минута молчанія.

— Эхъ! выдали ее знать, родимую! промолвилъ наконецъ кулакъ, и утеръ глаза рукавомъ.

— Тамъ изъ за рощи все какъ на ладонѣ видно, замѣтилъ опять старикъ.

Крестьяне бросились за рощу, а дворовые окружили Ефима Гаврилова, подняли его за мертво и отнесли во флигель.

Убѣдившись, что Москва дѣйствительно горитъ, мужики возвратились домой понуря головы. Пріунылъ самъ кулакъ, и сильно усомнился, что нехристъ жегшій святую Москву пришелъ къ намъ за добромъ. Вскорѣ стали ходить слухи, что непріятели осквернили московскіе храмы и грабятъ сосѣднія села. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Шутиловки поселилась цѣлая толпа французовъ и бродила по окрестностямъ забирая все что ей попадалось. Крестьяне боясь нападенія увязали на телеги все свое имущество, и увезли его въ сосѣдній лѣсъ, куда загнали и скотину. Тамъ они поселились, только по ночамъ приходили иногда за извѣстіями въ Шутиловку, гдѣ оставались нѣсколько стариковъ, Московскіе дворовые и больной Ефимъ за которымъ они ходили.

Но французы, бродя по большимъ дорогамъ и по сосѣднимъ селамъ, пришли въ опустѣвшую Шутиловку, и не найдя никакой добычи, отправились дальше, и зашли въ лѣсъ гдѣ скрывались крестьяне. Голодная и страдавшая отъ холода толпа бросилась грабить возы. Вся провизія, всѣ теплыя одежды были похищены, и Шутиловскіе жители возвратились къ себѣ съ пустыми телегами.

Между тѣмъ Ефимъ медленно оправлялся и не показывался крестьянамъ. По удаленіи непріятеля изъ столицы, онъ взялъ съ собой дворецкаго, пошелъ съ нимъ ночью на гумно и вырылъ спрятанныя деньги. Вернувшись домой онъ разбудилъ кучера, велѣлъ заложить пару лошадей и уѣхалъ въ Бѣлую.

— Достанется порядкомъ этимъ негодяямъ, сказала Ольга Александровна, выслушивши его разсказъ о случившемся. А тебѣ, Ефимка, спасибо; я твоей службы не забуду. Ты знаешь мой обычай: долгъ платежемъ красенъ.

Въ началѣ Ноября она собралась въ Москву, но заѣхала сперва въ Шутиловку. Крестьяне, завидивши издали ея дорожную карету, пришли въ неописанный ужасъ. Для нихъ въ эту минуту ея пріѣздъ былъ страшнѣй нашествія Наполеона, и они ее встрѣтили съ плачемъ и на колѣняхъ; но ничто ихъ не спасло отъ ея гнѣва. Она учинила по своему расправу, и дорого поплатились они за свою выходку, а пріѣхавшей съ ней Ефимъ былъ опять водворенъ во всѣ свои права.

Домъ гдѣ она жила въ Москвѣ уцѣлѣлъ, но два другіе доходные дома сгорѣли, и она занялась немедленно ихъ

возстановленіемъ. Въ ту же зиму подвезли изъ Шутиловки большое количество строеваго лѣса, а весной началась постройка. Ефимъ пріѣзжалъ часто въ Москву, и былъ всегда принятъ съ большой благосклонностью; но *грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*, и попуталъ грѣхъ бѣднаго Ефима.

Разъ Ольга Александровна дала ему съ вечера приказаніе пойдти на другой день рано къ ея стряпчему, по какому то дѣлу. Было еще не поздно, ясенъ былъ весенній вечеръ, и Ефимъ вышелъ постоять за ворота. На бѣду увидалъ его сосѣдъ поваръ, его кумъ, и зазвалъ въ полпивную. Нечего грѣха таить: Ефимъ любилъ выпить, и выпилъ на этотъ разъ такъ усердно, что ели доплелся домой, и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день онъ проснулся, когда весь домъ уже былъ давно на ногахъ, и не вспомнилъ даже о полученномъ наканунѣ приказаніи.

Между тѣмъ встала и Ольга Александровна.

— Васютка, сказала она одной изъ сѣнныхъ дѣвушекъ, узнай какой отвѣтъ Ефимка принесъ отъ стряпчаго.

Такъ называемая Васютка не любила Ефима. Молодой парень, помогавшій кулаку его сѣчь, былъ ея племянникъ, и попалъ въ солдаты за свою продѣлку. Въ его несчастіи Васютка обвиняла разумѣется Ефима.

— Онъ больше по глупости на это дѣло пошелъ, говорила она, и добро бы онъ засѣкъ Ефима Гаврилыча. А что Ефимъ Гаврилычь краснобай и успѣлъ Ольгу Александровну разжалобить, это точно. Знай она только, что онъ мертвую пьетъ, такъ можетъ не то бы было. По-

помните вы мое слово, дѣвушки, что его Богъ накажетъ за Андрюшку.

Она обрадовалась возможности насолить Ефиму, и на приказаніе Ольги Александровны отвѣчала поспѣшно.

— Да онъ матушка, и не ходилъ къ стряпчему. Ужъ если вашей милости правду доложить, такъ онъ вчера вернулся пьянехонекъ домой, а теперича только что всталъ.

Ольга Александровна вспыхнула. Въ первый разъ можетъ быть съ тѣхъ поръ какъ она себя помнила ея приказаніе не было выполнено, ея воля забыта. Она такъ сжилась съ долголѣтней привычкой повелѣвать, что не допускала никогда возможности подобнаго поруганія своей власти.

— Что?.. Что?.. воскликнула она не довѣряя своимъ ушамъ. Я ему отдаю приказъ, а онъ напивается пьянъ! Я же съ нимъ раздѣлаюсь. Позвать его!

Позвали Ефима. Она подошла къ нему.

— Какъ! ты приказанія, *моего* приказанія не исполнилъ?.. говорила она,—ты напился пьянъ?... Да знаешь ли, что я съ тобой сдѣлаю?

У Ефима не совсѣмъ еще прошелъ хмѣль.

— Что же? воля ваша, Ольга Александровна, возразилъ онъ, не понизивъ даже голоса.—Прикажите наказать.

Его хладнокровіе ее окончательно взбѣсило.

— А! такъ то! промолвила она.—Ты еще хочешь дерзостью взять! Такъ я же тебя проучу!

И она крикнула подходя къ открытому окну.

— Розогъ!

Минутъ черезъ пять она видѣла стоя на томъ же мѣстѣ, какъ одинъ изъ дворовыхъ принесъ охабку розогъ. Двое другихъ стояли около Ефима, который раздѣвался самъ. Спустивши съ себя всю одежду онъ перекрестился и растянулся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна.

— Мнѣ не въ первой! сказалъ онъ громкимъ и твердымъ голосомъ. Еще съ Шутиловки спина не зажила.»

Ефима ударили розгами разъ, другой, третій....

— Довольно! крикнула Ольга Александровна.

На грубомъ тѣлѣ Ефима едва показались царапины, и исполнители приговора остановились, удивленные, и обернулись къ барынѣ, но ее уже не было у окна.

Она ходила тревожнымъ шагомъ по комнатѣ: губы ея поблѣднѣли, брови сдвинулись. Ее разбирала тайная злоба. — На кого?... На себя или на Ефима? Домашніе слышали ея шагъ, который давно уже изучили, и чуя грозу не смѣли пройдти мимо дверей. Долго ходила она изъ угла въ уголъ, и наконецъ сѣла, какъ будто успокоившись, и позвонила.

— Позвать ко мнѣ Ефимку, приказала она вошедшему лакею.

Черезъ нѣсколько секундъ Ефимъ показался на порогѣ гостиной.

— Ты былъ наказанъ за пьянство и за дерзость, сказала ему Ольга Александровна,—и если еще нагрубишь то отвѣдаешь опять розогъ. Вины я не спускаю, за то и услуги не забываю. Я тебя выписала въ Москву чтобъ отпустить на волю: пиши отпускную.

Ефимъ взглянулъ на нее и упалъ ей въ ноги.

— Матушка...! промолвилъ онъ сквозь слезы.

Но она повернулась къ нему спиной и вышла изъ комнаты.

Въ этотъ же вечеръ она подписала отпускную, а черезъ нѣсколько дней ея горничная говорила, подавая ей на тарелкѣ огромную просвиру.

— Ефимъ Гаврилычь ходилъ къ Троицѣ-Сергію, матушка, за васъ помолиться, и вынулъ просвиру за ваше здоровье. Онъ проситъ васъ повидать: прикажете впустить?

— За просвиру спасибо, отвѣчала Ольга Александровна,—а его я видѣть не желаю, и нѣчего ему сюда таскаться: я пьяницъ не люблю.

II.

Мы уже говорили, что родственники Ольги Александровны поставляли себѣ долгомъ ее навѣщать; но самый ея усердный посѣтитель былъ двоюродный братъ ея и однофамилецъ, Николай Андреевичь, вдовецъ лѣтъ сорока.

Онъ являлся къ ней почти ежедневно, и выслушивалъ съ невѣроятнымь смиреніемъ ея брань и оскорбительныя слова. Горькую долю терпѣлъ онъ отъ Ольги Александровны. Когда она бывала не въ духѣ, то придиралась безпощадно къ каждому его слову, къ каждому движенію. Входилъ ли онъ къ ней твердой поступью, она хватала себя за голову, увѣряя, что отъ стука его *сапожищъ* ее ударило въ виски. Пытался ли онъ ходить на цыпочкахъ съ искусствомъ истаго танцмейстера, оказывалось, что

онъ ее смертельно напугалъ, потому что подкрался какъ воръ. Вызывался ли онъ, чтобъ *матушка ma soeur* не утруждала своихъ глазокъ, читать ей вслухъ «Московскія Вѣдомости», онъ такъ шамшилъ или торопился, что она ничего ни понимала.

Онъ останавливался немного сконфуженный, и старался читать какъ можно внятнѣе, — и новая неудача! Онъ такъ растягивалъ слова, что наводилъ на нее тоску. Но ничто не истощало его долготерпѣніе, ничто его не раздражало; онъ былъ все тотъ же, неизмѣнно тотъ же: внимательный, услужливый, безотвѣтный. Въ ея присутствіи его голосъ становился особенно сладокъ и подобострастенъ, и самъ Николай Андреевичь какъ будто ёжился и съуживался, чтобъ занять какъ можно меньше пространства; и онъ продолжалъ за ней ухаживать съ той настойчивостью, и той кротостью, которыми судьба награждаетъ наслѣдниковъ богатаго имѣнія.

Съ своей стороны Ольга Александровна такъ привыкла его видѣть сидящаго смиренно въ углу ея гостиной, и изливать на него свою желчь, что ей чего-то не доставало въ тотъ день, когда не приходилось его оборвать. Но разстроенныя обстоятельства принудили его ѣхать на житье въ деревню съ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ двухъ малолѣтнихъ дочерей. Въ извѣстные сроки онъ присылалъ ей письменныя поздравленія, сопровождаемыя увѣреніями, что приноситъ горячія молитвы Богу *о вожделенномъ ея здравіи* и *долголѣтіи*. Цѣлыхъ восемь лѣтъ прожилъ Николай Андреевичь въ деревнѣ, когда дошло до Ольги Александровны извѣстіе, что онъ вступилъ во второй бракъ, и что это

обстоятельство онъ тщательно отъ нея скрывалъ, потому что его жена никто иная, какъ извѣстная ей птичница Лукерья.

Убѣдившись въ истинѣ этихъ слуховъ, Ольга Александровна сѣла къ своему бюро и написала слѣдующее письмо:

«Николай Андреевичь,

«До меня дошло, что ты женился на Лушкѣ. Ни тебѣ, «ни Лушкиному отродію не видать моего наслѣдства, «какъ своихъ ушей. А я хочу взять на воспитаніе тво-«ихъ дочерей, и онѣ будутъ моими наслѣдницами. «Хочешь, такъ привези ихъ какъ получишь это письмо, «не хочешь, — какъ угодно: на мое имѣніе охотники «найдутся.»

Смиренный Николай Андреевичь, живя въ деревнѣ, любилъ покутить съ сосѣдями и нисколько не заботился о своихъ дочеряхъ. Онѣ выучились грамотѣ у приходскаго священника, и ихъ воспитаніе тѣмъ ограничилось, потому что отецъ не понималъ рѣшительно дальнѣйшаго развитія образованности, а отчасти и потому, что былъ совершенно равнодушенъ къ дѣтямъ, какъ былъ впрочемъ равнодушенъ ко всѣму. Въ деревнѣ онъ поселился, чтобъ поправить дѣла, и не занимался дѣлами. Имѣніе приходило въ упадокъ отъ нерадѣнія и неряшества. Доходы уменьшались ежегодно, и многочисленныя надворныя строенія обширной усадьбы давно почернѣли и покривились, но Николай Андреевичь мало о томъ заботился, тѣмъ болѣе, что не смотря на свои моленія о здравіи и долголѣтіи своей двоюродной сестрицы, онъ надѣялся,

что Богъ дозволитъ ему скоро принять ея наслѣдство и усердно помолиться объ упокоеніи ея души. Дочерей онъ почти не видалъ: онѣ жили съ няней во флигелѣ, а самъ Николай Андреевичъ поселился въ обветшаломъ домѣ, гдѣ принималъ всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ.

Старшей изъ дѣвочекъ было двѣнадцать лѣтъ, а второй одиннадцать, когда Ольга Александровна потребовала ихъ къ себѣ. Ничѣмъ незапуганныя, ни кѣмъ нестѣсненныя онѣ росли и развивались свободно, своеобразно, какъ птички въ глубинѣ лѣсовъ или ландышъ въ тѣни дубравы, и повиновались лишь своимъ влеченіямъ, лишь сердечнымъ порывамъ. Ихъ породистая красота не боялась ни зимней стужи, ни лѣтняго зноя; загорѣвшія ихъ лица дышали здоровьемъ и отражали какъ зеркало малѣйшія ихъ впечатлѣнія. Пробужденныя первыми лучами солнца, дѣвочки вставали часто когда весь домъ еще спалъ, и убѣгали въ сосѣднюю рощу, на поля и на луга, куда крестьяне собирались на жатву или на сѣнокосъ. Всѣ ихъ знали и любили на селѣ, и онѣ часто дѣлили съ поселянами ихъ скудную пищу и, утомленныя долгой прогулкой, засыпали на стогѣ сѣна. Онѣ приносили всюду съ собой радость и веселье, и все улыбалось при ихъ появленіи. Когда онѣ проходили селомъ, напѣвая свѣжими голосами народную пѣсню, крестьяне зазывали ихъ къ себѣ и угощали чѣмъ Богъ послалъ: хозяйки—лепешками и молокомъ, садоводы—яблоками, а пчелинцы—медомъ. Часто усаживались онѣ около старушки убаюкивающей ребенка, и распрашивали ее о старинныхъ преданіяхъ, о сельскихъ обрядахъ и обычаяхъ. И зимой онѣ не скучали: онѣ

бѣгали по убитымъ дорожкамъ обширнаго двора, мяли пушистыя глыбы снѣга и выдѣлывали изъ нихъ огромные шары, или катались со смѣхомъ и радостными криками съ ледяной горы, устроенной для нихъ. А какая радость, когда наступали святки и являлась къ нимъ во флигель толпа наряженыхъ дворовыхъ, и потѣшала ихъ подблюдными пѣснями, плясками и гаданьемъ, и онѣ сами наряжались и переливали воскъ, или пускали на воду орѣховыя скорлупы съ зажженными въ нихъ огарками церковныхъ свѣчей. И народныя увеселенья, таинственныя преданья, красота природы, луга, лѣса, поля, снѣжныя равнины, все пѣло для нихъ на разныя голоса, все сообщало имъ сокровища своей поэзіи.

Въ ихъ флигелѣ стоялъ шкапъ съ книгами, Богъ знаетъ кѣмъ собранными. Маленькая библіотека состояла преимущественно изъ переводовъ средневѣковыхъ легендъ и наивныхъ рыцарскихъ романовъ. Дѣвочки ихъ читали и перечитывали съ неутомимымъ наслажденіемъ. Біеніе ихъ сердецъ ускорялось, когда онѣ слѣдили мысленно за подвигами, совершенными на турнирахъ любимыми ихъ рыцарями, и онѣ плакали, провожая на костеръ дѣву-витязя, избавительницу Франціи. Но тѣмъ не ограничилась ихъ литературная образованность. Отецъ Гавріилъ, старый священникъ, выучившій ихъ грамотѣ, жилъ безсемейнымъ, одинокимъ бобылемъ, и привязался къ этимъ дѣтямъ, которые родились и росли у него на глазахъ. Съ своей стороны ихъ няня очень уважала отца Гавріила, и любила слушать его задушевныя, разумныя рѣчи , и лишь только наступалъ зимній вечеръ, она брала свое вязанье и шла съ дѣвочками въ

скромный, уютный уголокъ священника, который встрѣчалъ ихъ всегда своей радушной улыбкой, своимъ благословеніемъ и привѣтливымъ словомъ.

— Здорово, мои барышни, говорилъ онъ,—здорово, старушка Божія; всегда радъ дорогимъ гостямъ. Побесѣдуемъ и вечеръ скоротаемъ.

Дорогія гости усаживались на старый сафьянный диванъ надъ которымъ возвышался портретъ митрополита Платона, а хозяинъ надѣвши очки, вынималъ изъ небольшаго, крашенаго шкапа толстую библію въ обветшаломъ переплетѣ, открывалъ ее и читалъ въ слухъ главу изъ стараго или новаго завѣта. Старушка и дѣти слушали съ одинаковымъ вниманіемъ, а за чтеніемъ слѣдовали замѣчанія и распросы, или батюшка разсказывалъ о благочестивой жизни какого нибудь святаго мужа. Такъ проходилъ вечеръ и дѣвочки возвращались домой и, засыпая крѣпкимъ здоровымъ сномъ, мечтали о доблестяхъ средневѣковыхъ отшельниковъ, о подвигахъ Іоанны д'Аркъ, о Іосифѣ, проданномъ братьями или о въѣздѣ Спасителя въ Соломоновъ градъ.

Случалось иногда, что Николай Андрѣевичь, шедши мимо дѣтскаго флигеля, заглядывалъ къ дочерямъ, цаловалъ ихъ, и уходилъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ няней. Онѣ жили этой жизнью съ тѣхъ поръ, какъ помнили себя, и женитьба отца ничего въ ней не измѣнила. Его онѣ любить не могли, воспоминаній о матери не сохранили; а Лукерья, не смотря на общее ожиданіе, вела себя съ тактомъ съ тѣхъ поръ, какъ съ птичнаго двора попала въ гостиную. Она не измѣнила принятаго

порядка въ домѣ, продолжала звать своихъ падчерицъ *барышнями*, и лишь изрѣдка показывалась къ нимъ во флигель.

Николай Андреевичъ былъ сильно сконфуженъ и озадаченъ, когда прочелъ письмо Ольги Александровны. Погибли безвозвратно его долгія надежды, и ему приходилось помириться на томъ, что наслѣдство, которое онъ уже давно считалъ своимъ, перейдетъ къ дочерямъ. Кромѣ того, мысль показаться своей двоюродной сестрицѣ обдавала его страхомъ, и онъ рѣшился написать къ ней, что онъ точно виноватъ, женившись безъ ея согласія, за что и проситъ униженно прощенія, что припадаетъ къ ея стопамъ и благодаритъ за богатыя милости, оказанныя ею его сиротамъ, и что своихъ сиротъ онъ отправляетъ къ ней съ нянькой ихъ Ариной, которая и останется при нихъ, если Ольга Александровна позволитъ, а самъ онъ не здоровъ и потому не можетъ ихъ проводить.

Запечатавши письмо, онъ приказалъ Аринѣ собираться въ Москву съ Вѣрой и Машей.

Извѣстіе объ отъѣздѣ сильно поразило дѣвочекъ: имъ никогда не приходило въ голову, что ихъ образъ жизни можетъ измѣниться. Ѣхать въ Москву! Ѣхать къ тётушкѣ, о которой всѣ говорили съ невольнымъ страхомъ! Покинуть родимое гнѣздо, гдѣ всѣ ихъ любятъ, гдѣ все имъ мило; проститься съ темной сосновой рощей, съ свѣтлыми лугами и полянами! А добрые поселяне? А отецъ Гавріилъ? И бѣдные дѣти плакали горькими слезами. Плакала и старушка, укладывая ихъ вещи въ маленькій сундучекъ, заплакалъ и отецъ Гавріилъ, бла-

гословляя ихъ въ послѣдній разъ. А Николай Андреевичь цѣлуя ихъ на прощанье, приказалъ имъ угождать во всемъ тётушкѣ, которая обѣщала имъ свое наслѣдство, при чемъ упомянулъ и о томъ, что когда онѣ разбогатѣютъ, то должны помнить отца.

Этой рѣчи онѣ не поняли, но не просили поясненія, и сѣли съ плачемъ въ доморощенную калымагу. Грустный путь длился цѣлыхъ трое сутокъ, и наконецъ замелькали передъ ними московскіе церкви и дома, и кучеръ крикнулъ форейтору: «заворачивай на дворъ».

Арина, перецаловавшись съ знакомыми ей сѣнными дѣвушками, встрѣтившими ее въ сѣняхъ, повела барышень въ кабинетъ, гдѣ Ольга Александровна, придвинувши къ себѣ единственную сальную свѣчу, горѣвшую въ комнатѣ, сидѣла въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ и читала послѣдній нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей».

— А! пріѣхали! сказала она, положивши газеты на колѣни, между тѣмъ какъ старушка и дѣти цаловали молча ея руку.

— А отецъ что?

— Николай Андреевичь не такъ здоровы, матушка, отвѣчала Арина,—прислали вамъ грамотку.

— Я впередъ знала, замѣтила Ольга Александровна,— что онъ занеможетъ послѣ моего письма, и, оглядѣвъ съ ногъ до головы дѣвочекъ, которыя стояли передъ ней ни живы, ни мертвы, она продолжала:

— Пора вамъ дѣломъ заняться: ужъ вы немаленькія. Я посажу васъ за ученье, и буду строго держать;—знайте это напередъ. Теперь идите спать. Васъ отведутъ въ ва-

шу комнату. А тебя, Арина, я отпущу сегодня же. Выѣзжай завтра чѣмъ-свѣтъ.

— Николай Андреевичь такъ полагали, матушка, возразила нетвердымъ голосомъ Арина,—что я при барышняхъ останусь.

— Это начто? у меня своихъ людей много.

— Матушка, Ольга Александровна, промолвила старушка, кланяясь, — явите Божескую милость: позвольте мнѣ при нихъ остаться. Вѣдь я ихъ выходила...

— Такъ что жъ, что выходила? Нечего тебѣ здѣсь дѣлать,—поѣзжай.

Арина хотѣла возражать, но голосъ ея оборвался на первомъ словѣ, она заплакала. Дѣвочки, которыя уже давно сдерживали слезы, взглянули на нее и зарыдали.

— О! да какія набалованныя дѣвчонки! воскликнула Ольга Александровна,—васъ видно придется держать въ ежевыхъ рукавицахъ. Васютка, уведи ихъ отсюда.

Васютка привела ихъ, плачущихъ, въ приготовленную для нихъ комнату, гдѣ стояли двѣ кровати, большой круглый столъ, нѣсколько плетеныхъ стульевъ и кивотъ съ образами. Оставшись наединѣ съ Ариной онѣ припали къ ея груди. Бѣдныя дѣти были безсильны противъ перваго горя, поразившаго ихъ такъ внезапно. Москва была для нихъ мѣстомъ ссылки, и онѣ теряли единственное, горячо любящее ихъ существо. — Нянячка, говорили онѣ,—какъ же мы безъ тебя останемся?—Какая она злая прибавила, всхлипывая, Вѣра.

— Что ты! что ты, родимая! прервала ее шопотомъ, испуганная Арина,—ну какъ она услышитъ! Вы ее должны любить и слушаться. Она васъ наградить обѣщалась;

вы это чувствовать должны. А точно она строга, ну какъ быть! Ужъ видно такъ Богъ велѣлъ за мои грѣхи.

Долго пробовала она ихъ утѣшить, и уговаривала покориться Божіей волѣ; но собственное ея горе высказывалось вопреки ея усилій. Сердце ея надрывалось при мысли, что она ихъ покинетъ однихъ на чужой сторонѣ, гдѣ некому будетъ ихъ приголубить, некому приласкать. Она прерывала вдругъ утѣшительную рѣчь, обвивала дѣтей дрожащими руками и сжимала ихъ судорожно въ своихъ объятіяхъ. Но понимая, что пора наконецъ прекратить эту сцену, она перецаловала ихъ въ послѣдній разъ, перекрестила, ушла съ обѣщаніемъ, что если онѣ тотчасъ помолятся и лягутъ, она завтра передъ отъѣздомъ придетъ съ ними проститься.

Нѣсколько минутъ спустя, хозяйка дома, проходивши корридоромъ въ свою спальню, заглянула въ полуотворенную дверь комнаты племянницъ. Онѣ стояли обнявшись на колѣняхъ передъ образами и молча плакали, а въ полутемномъ углу корридора старушка, сидя на сундукѣ, склонила на руки голову, повязанную платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались пряди сѣдыхъ волосъ, и старалась подавить свои рыданія. Что-то похожее на чувство жалости шевельнулось въ сердцѣ Ольги Александровны. Она вошла въ свою спальню и позвонила.

— Любашка, сказала она появившейся на звонокъ старшей ея горничной,—вѣдь я приказала Малашкѣ ходить за дѣтьми?

— Точно такъ-съ.

— Да вѣдь ее кажется ужъ за пяльцы посадили?

— Какъ же-съ,—посадили.

— А я и забыла. Такъ нечего ее отъ дѣла отрывать. Ужъ такъ и быть, скажи Аринѣ, чтобъ она здѣсь оставалась.

— Голубушка! Любаша! родимая ты моя! воскликнула Арина, когда ей было передано приказанье,—неужто-жъ и вправду?... и вскочивши съ сундука она вбѣжала въ спальню и упала въ ноги барынѣ.

— Ну, ну, добро, поди, сказала сухо Ольга Александровна вырывая у нея руку, которую она схватила, да знай, что если ты вздумаешь ихъ баловать и пѣстовать, я тебя сейчасъ же отправлю назадъ въ деревню.

Арина, переступивши чинно черезъ порогъ ея комнаты, пустилась бѣжать по корридору, и очутилась мигомъ между обѣими сестрами.

— Родимыя мои, воскликнула она прерывающимся отъ волненія голосомъ,—я съ вами останусь,—тетенька приказали!

Переходъ отъ горя къ радости былъ такъ неожиданъ, что дѣвочки, забывши всякій страхъ, бросились къ ней на шею съ визгомъ и радостными криками. Но вдругъ раздался опять продолжительный звонокъ и Любаша появилась опять въ спальнѣ.

— Скажи барышнямъ, приказала ей Ольга Александровна,—что онѣ мнѣ спать не даютъ своими криками, я спать хочу.

Горничная исполнила порученіе, и прибавила шопотомъ нагибаясь къ Аринѣ:

— А я ихъ еще и не раздѣвала.

III.

Ольга Александровна твердо придерживалась правила, которое заключалось въ любимой ея поговоркѣ: «или за дѣло не берись, или дѣло дѣлай», и никто не исполнялъ такъ добросовѣстно наложенной на себя обязанности. Не смотря на свою скупость, она ничего не пожалѣла на воспитаніе племянницъ, и дала имъ образованіе, которое и не требуютъ отъ женщины. На другой же день послѣ ихъ пріѣзда, она пригласила лучшихъ московскихъ учителей давать имъ уроки. Онѣ учились иностраннымъ языкамъ, въ томъ числѣ и латынскому, учились математики и астрономіи. Тяжелымъ показался имъ переходъ отъ свободной ихъ жизни, къ требованіямъ новой среды, въ которую ихъ забросила судьба. Не легко было имъ привыкнуть къ строгому систематическому занятію, еще труднѣе привыкнуть къ духу, царствующему въ домѣ. Онѣ были такъ тихи и кротки, что даже Ольга Александровна находила съ ними лишь рѣдкіе предлоги къ выговорамъ и брани, но достаточно было ея присутствія, чтобъ все замирало въ нихъ. Онѣ вѣчно чувствовали тяготѣющую надъ ними ея желѣзную руку, и трепетали какъ птички подъ взоромъ коршуна, когда она вставала, какъ говорится, съ лѣвой ноги, и слѣдила за ними молча, неумолимымъ своимъ взоромъ, какъ будто потѣшаясь пыткой, которой ихъ подвергала. Большую часть дня онѣ проводили за уроками, а остальное время должны были сидѣть на вытяжкѣ въ гостиной, гдѣ читали по очередно

газеты Ольгѣ Александровнѣ, но даже по окончаніи чтенія не смѣли въ ея присутствіи бесѣдовать въ полголоса другъ съ другомъ. Когда же она выѣзжала, онѣ бѣжали радостно въ свою комнату, куда являлась и Арина, и между ею и дѣтьми, на которыхъ она смотрѣла какъ на своихъ, завязывался задушевный разговоръ. Вспоминали о житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ, объ отцѣ Гавріилѣ, и мечтали о томъ, чтобъ возвратиться когда нибудь въ любимый уголокъ. Грустно ей было на чужбинѣ, но мысль, что ея барышни воспитываются, наконецъ, какъ слѣдуетъ господамъ, и говорятъ уже по французски и нѣмецки, мирила Арину съ ея горькой долей.—Какъ быть, мои родимыя, говаривала она часто, когда онѣ выражали невольно свою тоску или страхъ, внушаемый имъ Ольгой Александровной,—все же надо ей спасибо сказать и Богу за нее молить, потому что она васъ пріютила и обучаетъ уму-разуму, и надо вамъ ее любить и почитать какъ мать родную.

— Да мы за нее молимся и мы ее почитаемъ, нянюшка, отвѣчали онѣ, — вѣдь она наша благодѣтельница.

Это слово онѣ хорошо затвердили, потому что Ольга Александровна не пропускала никогда случая напомнить имъ, что онѣ ѣдятъ ея хлѣбъ, что онѣ стоили ей не мало денегъ, что она ихъ всячески облагодѣтельствовала; и онѣ не смѣли признаться ни другъ передъ другомъ, ни даже сами передъ собой, что не испытываютъ въ отношеніи ея ничего кромѣ чувства непреодолимаго страха.—Надо ей быть благодарными, надо ее любить. Бѣдныя дѣвочки это знали, и упрекнули бы себя въ глубокой безнравственности, еслибъ рѣшились прослѣдить строго свои

чувства и убѣдиться, наконецъ, что не могутъ любить сухаго существа, никого нелюбящаго, ни даже отвѣчать признательностью на благодѣянія, за которыя выслушивали столько упрековъ, которые носили тяжелымъ камнемъ на душѣ.

Чѣмъ однообразнѣе шло время, тѣмъ оно шло быстрѣй: протекло незамѣтно три-четыре года и дѣти стали молодыми дѣвушками, но воспитаніе ихъ еще не окончилось. Онѣ уже не скучали за уроками, и наука перестала быть для нихъ мертвой буквой, но одна наука не удовлетворяетъ потребностямъ молодости. Въ часы досуга имъ было позволено пользоваться частью книгъ библіотеки, но «духъ законовъ» Монтескье и ученыя творенія Гиббона не могли тѣшить мечтательное, поэтическое воображеніе. Имъ хотѣлось пѣсни, торжественной пѣсни любви и славы, имъ хотѣлось плакать надъ трогательной повѣстью нѣжнаго чувства, увѣнчаннаго наконецъ счастіемъ, послѣ горькихъ слезъ и долгихъ испытаній, или надъ смертью героя умирающаго на полѣ брани, съ именемъ своей дамы на устахъ.

Лишь только сходилъ снѣгъ и высыхали дороги, Ольга Александровна уѣзжала въ свою любимую Бѣлую, гдѣ была уже давно выстроена усадьба. Тамъ она проводила почти цѣлый день на сельскихъ работахъ, и въ полуденный жаръ отдыхала въ той самой рощѣ, гдѣ проводила шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ досужные часы, съ книгой въ рукахъ. Но и тутъ, какъ на жизненномъ пути, пережила она своихъ сверстниковъ: давно уже состарились и пали подъ топоромъ молодыя деревья, осѣнявшія ее когда-то своими густыми вѣтвями, и дру-

гое племя молодыхъ, стройныхъ осинъ и березъ выросло дружно отъ прежнихъ корней. Но старуха, покоясь подъ ихъ тѣнью въ широкихъ креслахъ, не вспоминала о прошломъ; глядя на нихъ, не задумывалась она о долгой, безплодно прожитой жизни, ни о длинномъ рядѣ могилъ, оставленныхъ на пути, а выслушивала доклады старосты о складенныхъ скирдахъ и о скошенномъ сѣнѣ.

Молодыя дѣвушки ожидали всегда съ трепетнымъ нетерпѣніемъ минуты отѣзда въ Бѣлую, гдѣ проводили часть утра за книгами и тетрадями, а остальное время дня принадлежало почти исключительно имъ. Они ненаходили въ людяхъ, среди которыхъ жили, отголоска своимъ мечтамъ и грезамъ, но находили его въ природѣ, гдѣ все дышало полнотой жизни. Какъ и въ прежніе годы, они вставали съ восходомъ солнца и уходили въ лѣсъ. Тамъ любили творить утреннюю молитву подъ яснымъ безпредѣльнымъ небомъ, и пѣли звонкими голосами псалмы, на которые откликалось эхо, между тѣмъ, какъ пробудившіеся лѣса, поля и луга пѣли также свою стройную хоровую пѣснь, пѣли, какъ будто съ ними и для нихъ. Потомъ сестры, выкупавшись въ свѣтлыхъ волнахъ Клязьмы, шли весело болтая, тропинками, пробитыми въ лѣсу стопами пѣшеходовъ, и рвали на пути ландыши или фіалки. Но солнце подымается все выше и выше, уже высохла обильная роса подъ ихъ ногами, уже ихъ тѣни, бѣгущія за ними по лугу, становятся короче, и за свѣжестью утра наступаетъ уже зной. Пора,—скоро вынесутъ на терассу кипящій самоваръ, и тётушка скоро встанетъ, а тётушка не любитъ ждать. Пора домой, и они шли ускореннымъ шагомъ къ усадьбѣ. Но

однажды, увлеченныя прогулкой, онѣ удалились отъ дома, и вдругъ вспомнили, что врядъ-ли успѣютъ возвратиться къ чаю. Напуганныя этой мыслію, онѣ вышли изъ лѣса и, чтобъ скоротить дорогу, пустились бѣжать открытымъ полемъ, не смотря на жгучее солнце. Не разъ онѣ падали, но подымались быстро, не чувствуя съ горяча ушиба, и принимались опять бѣжать не переводя духа. Страхъ, жара и усиленное движеніе до того ихъ утомили, что добравшись наконецъ до крыльца, одна изъ нихъ упала безъ чувствъ.

Онѣ водили и въ Бѣлой дружбу съ поселянами; часто съ ними бесѣдовали, ходили навѣщать больныхъ и принимали отъ молодыхъ дѣвушекъ полевыя ягоды и цвѣты. Послѣ ужина обѣ сестры, простившись съ тётушкой, уходили въ свою комнату, гасили огонь и садились подъ открытое окно, откуда любовались луной, перебѣгающей изъ одного облака въ другое, и прислушивались къ говору засыпающей природы.

Нравилась имъ эта жизнь и напоминала беззаботное ихъ дѣтство, но скоро протекало лѣто: вотъ уже окончились полевыя работы, опустѣли поля и высокіе скирды стоятъ на гумнахъ; начинаютъ перепадать мелкіе дожди, наступаютъ длинные вечера и свѣжія ночи, и Ольга Александровна, отдавая приказанія старостѣ, произноситъ наконецъ роковое слово:—Осмотрѣть карету и приготовить лошадей; я думаю выѣхать черезъ три дня.

Наступила наконецъ пора показать свѣтъ молодымъ дѣвушкамъ; воспитаніе было окончено, и красота ихъ сіяла во всемъ своемъ блескѣ. Марья Николаевна была высокая, стройная, славянская красавица, съ темными

рѣсницами и задумчивыми синими глазами; но старшая сестра ея поражала прелестью своего полуденнаго типа. Въ моей первой молодости, я познакомилась съ Вѣрой Николаевной, которой было уже давно за сорокъ лѣтъ, но и тогда еще заглядывались невольно на правильный окладъ ея лица, на черную, какъ вороново крыло косу, на изящность профиля. Я привязалась къ ней тѣмъ горячимъ чувствомъ, какое очень молодыя дѣвушки испытываютъ иногда къ женщинамъ пожилыхъ лѣтъ, которыя ихъ приголубили. Сердце мое билось отъ радости, когда я отворяла дверь ея комнаты и заставала ее на обычномъ мѣстѣ подъ открытымъ окномъ съ работой въ рукахъ. Я садилась возлѣ нея, и она мнѣ разсказывала о своей молодости, или я ей повѣряла свои мечты и грезы. Она слушала улыбаясь, ласкала меня, а иногда и журила. Какъ я любила добрый, глубокій взглядъ ея большихъ карихъ глазъ, не много восторженную ея рѣчь и мягкій голосъ, въ которомъ звучала ея душевная теплота! какъ я все любила въ ней! Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много лѣтъ прошло со времени нашихъ долгихъ, задушевныхъ бесѣдъ, и она уже давно отдыхаетъ въ могилѣ, послѣ долгой, святой жизни, а воспоминанія о ней все также для меня дороги, и я не произнесу никогда ея имени безъ глубокаго чувства любви и уваженія.

(окончаніе въ слѣдующемъ №).

Т. Толычева.

КРЕСТНИЦА ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе.)

IV.

Ольга Александровна, рѣшившись вывозить въ свѣтъ своихъ племянницъ, завела новый кругъ знакомства, и московскія гостиныя увидали съ удивленіемъ девяностолѣтнюю старуху, но здоровую и бодрую, какъ коренастый дубъ. Многіе считали ее уже давно умершей, и всѣ приняли съ радостью, ради красивыхъ, богатыхъ невѣстъ. Тетка не скупилась на ихъ наряды, какъ не скупилась на ихъ воспитаніе, и ихъ скоро замѣтили въ свѣтѣ. Матери семействъ, прочившія сестеръ за своихъ сыновей, ласкали ихъ и ухаживали за Ольгой Александровной. Но Ольгу Александровну было одинаково трудно задобрить или провести; она давала имъ чувствовать не разъ,

(*) См. С. В. № 10-й.

что понимаетъ настоящій смыслъ вниманія, котораго сдѣлалась предметомъ, и отвѣчала сухимъ отказомъ искателямъ руки своихъ племянницъ, которымъ и не сообщала даже о сдѣланныхъ имъ предложеніяхъ, но говорила имъ часто:

— Хочется вамъ въ крѣпостныя, я васъ не держу; выходите за мужъ; да только знайте, что вы выйдете не по своей волѣ, а за кого я выберу.

Въ числѣ ихъ поклонниковъ былъ молодой человѣкъ, освоившій себѣ въ свѣтѣ никѣмъ неоспоримую репутацію d'un homme charmant, d'un homme tout à fait distingué. Николай Алексѣевичь X. принадлежалъ къ извѣстному въ Москвѣ семейству, былъ богатъ, уменъ и красивъ. Онъ влюбился въ Вѣру съ первой минуты, какъ ее увидалъ. Избалованный своими свѣтскими успѣхами и разсчитывая на счастіе, никогда ему не измѣнявшее, онъ дерзнулъ, какъ и другіе, посвататься за красавицу, но, какъ и другіе, получилъ отказъ. Однако онъ не остановился при первой неудачѣ, и поставилъ на ноги всѣхъ своихъ тетушекъ и бабушекъ, которыя являлись поочередно къ Ольгѣ Александровнѣ и умоляли ее принять, наконецъ, сдѣланное предложеніе,—но она оставалась непреклонной.

— Позвольте, однако, узнать, спросила разъ, одна изъ родственницъ влюбленнаго, по какой причинѣ вы ему отказываете?

— Я никому не обязана отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, отвѣчала Ольга Александровна.—Отказываю потому, что такъ хочу. Это дѣло поконченное.

Было запрещено Вѣрѣ танцовать и говорить съ X., но

бѣглый взглядъ, но румянецъ, выступавшій на ея щекахъ, при встрѣчѣ съ нимъ, говорили краснорѣчивѣе всякихъ словъ, и онъ отказывался рѣшительно считать дѣло поконченнымъ, понимая, что найдетъ сильную поддержку въ ея сердцѣ.

Чувство ея не ускользнуло и отъ Ольги Александровны, которая начала ее преслѣдовать своими грубыми сарказмами:

— Х. подсылалъ опять ко мнѣ своихъ свахъ, говорила она иногда за обѣдомъ, не стѣсняясь присутствіемъ прислуги.—Ужъ видно очень приглянулись ему мои денежки.

Когда Вѣра Николаевна приходила съ ней здороваться, старуха спрашивала, почему она блѣдна, и прибавляла улыбаясь и останавливая на ней пристальный взглядъ:

— Смотри, мать моя, какъ бы Х. не вообразилъ что ты въ него влюблена и оттого чахнешь; отъ него станется, право станется. Онъ, пожалуй, думаетъ, что ты лучше его и не видывала.

Вѣра Николаевна мѣнялась въ лицѣ, но молчала. Она молчала не изъ страха къ теткѣ. Въ эту минуту страхъ былъ совершенно подавленъ другимъ чувствомъ, тѣмъ глубокимъ, безпредѣльнымъ чувствомъ, которому она осталась вѣрна впродолженіи всей жизни. Она смотрѣла на него, какъ на святыню, и не хотѣла выдать добровольно его тайну. Лишь только передъ Богомъ и передъ сестрой она высказывала свое страданіе, Маша плакала съ нею и молилась за нее. Онѣ проводили почти цѣлый день, а иногда и часть ночи въ грустныхъ бесѣдахъ, и Вѣра, мечтая, какъ Татьяна, при лунномъ свѣтѣ, сравнивала своего обожателя съ тѣми благородными рыцарями,

о которыхъ читала въ дѣтствѣ столько поэтическихъ разсказовъ.

Но X. доказалъ, что и въ девятнадцатомъ вѣкѣ водятся еще рыцари, способные на всякій подвигъ, чтобъ обладать предметомъ своей любви. Когда установилась весна и семейство уѣхало въ Бѣлую, оставилъ и онъ Москву. Какъ онъ успѣлъ скрыться отъ зоркаго глаза Ольги Александровны, живя въ ея сосѣдствѣ, у кого пріютился, гдѣ нашелъ сообщниковъ, этого я не знаю, но дѣло въ томъ, что ему было извѣстно день за день, все что дѣлается въ Бѣлой, и онъ выжидалъ случая, которымъ могъ бы воспользоваться для достиженія задуманной цѣли; случай представился.

Ольга Александровна торговала заливные луга, лежащіе верстахъ въ пятнадцати отъ ея имѣнія, и собиралась ихъ осмотрѣть передъ сѣнокосомъ. Она должна была оставить съ вечера Бѣлую, ночевать у священника на берегахъ Клязьмы, а на другой день объѣхать всю землю, которую желала пріобрѣсти, и возвратиться домой къ вечернему чаю. Лѣто стояло жаркое, но изрѣдка перепадающіе дожди утучняли землю, и луга быстро одѣлись сочной, густой травой: всѣ обѣщали ранній и богатый сѣнокосъ. Ольга Александровна выбрала удобный день й выѣхала, лишь только спала жара. Сестры, проводивши ее, долго бродили по рощамъ, и наконецъ вернулись домой и усѣлись на террасѣ.

— А я вамъ, барышни, принесла еще ягодокъ, сказала вдругъ крестьянская дѣвушка, подходя къ нимъ и прерывая ихъ разговоръ.

— Спасибо, Аксиньюшка, отозвалась Маша, прини-

мая кузовочекъ наполненный алой земляникой;—какія онѣ славныя!

— А ты и забыла, красавица, что мнѣ ленточку обѣщала? спросила ее Аксинья.

— Нѣтъ, не забыла, постой здѣсь, я сейчасъ отыщу, отвѣчала Маша и вошла въ комнату.

Только что она скрылась, Аксинья вынула изъ за пазухи письмо, которое подала Вѣрѣ, прибавивъ:

— Вотъ вамъ грамотка, барышня, приказано отдать чтобъ никто не видалъ.

Вѣра вспыхнула и сердце застучало въ ея груди. Она схватила письмо, бросилась съ террасы въ крытую аллею, пробѣжала ее мигомъ, сѣла на траву, потому что ноги ея подкашивались, и разорвала обертку письма.

Х. умолялъ ее воспользоваться отсутствіемъ Ольги Александровны, чтобъ пріѣхать на другой день въ село, отстоящее въ нѣсколькихъ верстахъ; все уже будетъ готово для обряда вѣнчанія, и его карета будетъ ждать ее съ восьми часовъ на большой дорогѣ, за кленовой рощей. Потомъ слѣдовали долгія моленія и пламенныя увѣренія въ любви. Вѣра читала ихъ и перечитывала, и голова ея шла кругомъ. Возможно-ли, чтобъ судьба прислала ей такъ неожиданно, такъ внезапно счастіе, о которомъ она едва смѣла мечтать? Оно тутъ, оно близко-оно подъ рукой: завтра, черезъ нѣсколько часовъ, Вѣра будетъ женой того, котораго такъ горячо и такъ безнадежно любитъ! но она вдругъ вспоминала о сестрѣ и глухая боль поднималась со дна ея души.

— Вѣра! крикнулъ внезапно звонкій голосъ.

Вѣра быстро сунула письмо въ карманъ, встала и ста-

ралась оправиться и подавить свое смущеніе. Она уже успѣла сообразить, что необходимо скрыть отъ сестры, и устранить ее такимъ образомъ отъ всякой отвѣтственности передъ теткой.

— Вѣра, гдѣ ты? окликнулъ опять приближающійся голосъ, и Маша показалась въ аллеѣ.

— А мнѣ Аксинья говорила, ты ушла къ пруду, сказала она, подходя, и продолжала испуганнымъ голосомъ:—да что съ тобой? на тебѣ лица нѣтъ?

— Мнѣ нездоровиться: у меня кружится голова, да ты не бойся, это ничего пройдетъ; пойдемъ домой. Я не хочу ужинать и лягу пораньше.

Какую ночь провела Вѣра! Она сбросила съ себя одѣяло и сѣла на постель, лишь только убѣдилась, что заснула сестра. Сколько различныхъ чувствъ, сколько горя, сколько радости волновали ея душу! То она плакала отъ избытка счастья, то сердце ея ныло, когда она глядѣла на спящую Машу. Вопреки ея тревожному состоянію, усталые нервы брали иногда свое, голова ея склонялась на подушку, и она впадала въ дремоту; но внезапно вскакивала, какъ будто чѣмъ нибудь испуганная, и въ первую минуту, какъ будто недоумѣвая, точно-ли совершился переломъ въ ея судьбѣ, или ее обманулъ лукавый сонъ. Она подымала быстро подушку, брала лежащее подъ ней письмо, и перечитывала опять при свѣтѣ лампады. Солнце показалось едва на небосклонѣ, когда она встала, разсчесала и заплела свои волнистые волосы, и надѣла розовое ситцевое платье.

— Не богатъ мой вѣнчальный нарядъ, подумала она улыбаясь.

Одѣвшись, она вышла на цыпочкахъ изъ комнаты, пробралась въ гостиную, и принялась писать къ сестрѣ. Нѣсколько разъ она останавливалась и плакала навзрыдъ, но стоящіе передъ ней столовыя часы ей напоминали, что время идетъ впередъ и она принималась опять за перо.

Наконецъ письмо готово: она запечатала его облаткой, съ тѣмъ чтобъ положить въ кивотъ. Ложась спать, одна изъ сестеръ оправляла, передъ вечерней молитвой, лампаду, горящею у образовъ, и Вѣра знала, что ни въ радости, ни въ горѣ Маша не забудетъ исполненія этого долга, и что письмо попадется ей подъ руку. Но до тѣхъ поръ, что̀ подумаетъ Маша? Какія страшныя предположенія ее измучатъ въ продолженіи цѣлаго дня! И Вѣра рѣшилась приготовить ее къ тому, что должно были совершиться.

Когда она возвратилась въ свою комнату, Маша только что встала.

— Что ты согодня, Вѣра? спросила она.

— Ничего, только плохо спала.

— Отчего ты меня не разбудила раньше?

— Было очень пасмурно, я боялась дождя, и думала что не удасться погулять. Да солнце опять проглянуло; одѣвайся скорѣй.

Маша одѣлась, и онѣ вышли на террасу.

— Пойдемъ сегодня за прудъ, сказала Вѣра, которая не хотѣла отдалиться отъ дома, изъ опасенія пропустить назначенный часъ. Прошедши черезъ прудовую плотину, онѣ стали на колѣни въ тѣни деревьевъ, и Маша начала читать въ слухъ ихъ обычную молитву. При мыс-

ли, что эта общая молитва будетъ послѣдней, Вѣра закрыла лицо руками и слезы хлынули по ея щекамъ. Но горе ея выражалось такъ часто слезами, что онѣ не возбудили недоразумѣнія Маши, которая обвила ея талію своей рукой, и продолжала произносить нетвердымъ голосомъ божественныя слова.

— Вѣра, сказала она по окончаніи молитвы,—можетъ быть, Богъ тебя услышитъ и тетушка согласится.

— Нѣтъ, на это я не надѣюсь. А знаешь объ чемъ я думала ночью? Изъ чего и ему и мнѣ отказываться отъ счастья? Если онъ меня любитъ, какъ я его люблю, онъ найдетъ средство добраться до меня... если онъ это сдѣлаетъ, Маша, я съ нимъ уйду.

— Вѣра, что ты говоришь! воскликнула испуганная Маша,—а тетушка?

— Богъ съ ней! послушай Маша: я перестала обманывать себя. Мы ей многимъ, очень многимъ обязаны, но она насъ столько попрекала своими благодѣяніями! Она насъ не любитъ, и я ее не люблю, и ты ее не любишь, Маша.

— Боже мой Вѣра, возможно-ли это? Не говори такъ, ради Бога, сказала Маша, озираясь со страхомъ.

Но вымолвивши первое слово, Вѣра не могла уже остановиться, и продолжала съ лихорадочнымъ увлеченіемъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, подумай сама: я правду говорю, я не могу больше лгать себѣ. Ктò можетъ ее любить, когда она никого не любитъ? Она даже и не пожалѣла обо мнѣ, она меня смертельно оскорбляла въ самомъ дорогомъ моемъ чувствѣ, она потѣшалась моимъ горемъ.

Изъ чего я ей пожертвую человѣкомъ, котораго люблю? Скажи онъ только слово, и я буду его женой, несмотря на тетушку... тутъ не будетъ ни грѣха, ни срама... Случись это, продолжала она, останавливаясь, меня одно только измучитъ: какъ я съ тобой разстанусь?...

— Ты не повѣришь какъ мнѣ страшно, когда ты такъ говоришь, Вѣра, вѣдь ты знаешь что это невозможно. Можетъ быть, Богъ тебя выручитъ, или надо будетъ покориться его волѣ...

Она обнимала ее и старалась успокоить. Вѣра замолчала изъ опасенія возбудить ея подозрѣніе, и позвала ее наконецъ домой, говоря что устала, потому что не спала ночью, и приляжетъ послѣ чая.

Чай пили ровно въ семь часовъ, и Вѣра вздрогнула когда самоваръ появился на столѣ. «Черезъ часъ!» подумала она. Она принудила себя выпить чашку, потомъ встала и поцаловала сестру долгимъ поцалуемъ.

— Я тебя огорчила, Маша, промолвила она.—Я взволнована отъ безсонницы,—это пройдетъ, только бы мнѣ не помѣшали отдохнуть; не ходи черезъ нашу комнату.

Пришедши къ себѣ, она отворила кивотъ, перекрестилась, и положила свое письмо на молитвенникъ. Ей не хотѣлось выйдти изъ дома безъ благословенія и безъ хлѣба-соли, и она сняла съ гвоздочка маленькій образокъ, который вздѣла на снурокъ и повѣсила на шею. Выходя изъ комнаты, она остановилась на порогѣ, окинула ее послѣднимъ, отуманеннымъ слезами взоромъ, и прошла въ дѣвичью.

— Аннушка, сказала она одной изъ горничныхъ,—я

иду гулять за оврагъ, тамъ стадо пасется: я хочу отнести хлѣбъ бѣлой телочкѣ. Отрѣжь ломоть и посоли его.

Аннушка подала ей ломоть ржанаго хлѣба, посыпаннаго крупной солью.

— Спасибо, сказала молодая дѣвушка, принимая его, и вышла изъ дома.

Время было дорого: уже пробило половина восьмаго, а до назначеннаго мѣста было добрыхъ полъ-часа ходьбы. Вѣра обогнула дворъ, пересѣкла дорогу и вступила въ кленовую рощу. Она шла быстрымъ шагомъ, но была принуждена часто останавливаться, чтобъ перевести духъ. Руки и ноги ея дрожали, и ей казалось иногда, что знакомая ей тропинка уходитъ въ безконечную даль. Но вотъ наконецъ зарѣдѣли деревья, и синее небо проглядываетъ все больше черезъ зеленыя вѣтви, и Вѣра очутилась на опушкѣ рощи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, стояла дорожная карета, запряженная доброй четверней. Кругомъ похаживалъ лакей.

— Пожалуйте, барышня, крикнулъ онъ, какъ увидалъ ее; и въ ту же минуту отворилъ дверцы и откинулъ подножку. Вѣра бросилась въ карету и лошади помчались.

Она не могла бы сказать сколько часовъ или сколько минутъ продолжалось путешествіе, и пришла въ себя лишь когда карета остановилась у церковной паперти. Дверцы опять отворились, подножка была съ шумомъ откинута, и крикъ безумной радости раздался въ ушахъ Вѣры.

По окончаніи вѣнчальнаго обряда, молодые сѣли въ карету съ тѣмъ, чтобъ ѣхать въ имѣніе Х., до котораго считалось верстъ шестьдесятъ. Но безсонная ночь и

разныя ощущенія, черезъ которыя она прошла, до того утомили Вѣру, что Николай Алексѣевичъ рѣшился остановиться на полъ-дорогѣ, чтобъ дать ей возможность отдохнуть нѣсколько часовъ, и она изъявила желаніе написать къ теткѣ. Робкое, недовѣрчивое еще сознаніе счастья уже вкрадывалось въ ея сердце, и вытѣсняло изъ него всѣ непріязненныя чувства: она была готова всѣхъ обнять, всѣхъ любить. Для нея Ольга Александровна была опять никто иной, какъ благодѣтельница, а она потому только не упрекала себя въ возмущеніи, которое высказала сестрѣ, что̀ ни о чемъ не думала, а жила только своими чувствами, и переработка совершалась въ ея сердцѣ помимо ея сознанія. Письмо было написано со всей возможной теплотой душевной: молодая женщина признавала себя виновной передъ теткой и молила о прощеніи. Х. отправилъ немедленно въ Бѣлую верховаго, который долженъ былъ возвратиться съ отвѣтомъ въ продолженіи ихъ стоянки.

V.

Но что же дѣлается въ Бѣлой? Читатель помнитъ, что послѣ чая Маша осталась на террасѣ, съ убѣжденіемъ что сестра ея отдыхаетъ. Вдругъ горничная выбѣжала изъ гостиной:

— Марья Николаевна, спросила она,—вы не изволите знать гдѣ сестрица?

— Она заснула. Да что съ тобой, Аннушка?

— Какое заснула! Нѣтъ, барышня, онѣ ушли.

— Что ты говоришь! Куда она ушла?

— Да вы успокойтесь, моя родная, а точно я вамъ докладываю, что онѣ ушли. Кофишенка ѣхалъ сегодня изъ города, да какъ поровнялся съ кленовой рощей, видитъ: карета стоитъ четверней у большой дороги, а лакей, говоритъ, и кучеръ Х....скіе. И вижу я, говоритъ, наша барышня изъ рощи вышла, и посадилъ ее лакей въ карету. Кофишенка-то такъ и обмеръ, и пустился было въ догонъ, а самъ кричитъ «стой, разбойники!» да гдѣ-же догнать. Онъ-же на водовозной. Ужъ эдакій грѣхъ! Эдакій грѣхъ!... Какъ теперь тетенькѣ то объ этомъ доложить. Кофишенка-то, говоритъ, какъ говоритъ я увидалъ, что барышню увезли, словно меня въ поясницу кто ударилъ, и до сихъ поръ, говоритъ, не опомнюсь.

Долго еще говорила она и разсказывала съ малѣйшими подробностями объ испугѣ кофишенка, но Маша не слушала. Бѣдная дѣвушка чувствовала, что мысли ея путаются. Наконецъ она встала съ усиленіемъ, побрела въ свою комнату, упала на кровать и зарыдала. Наплакавшись вдоволь, она старалась обдумать немного положеніе. При мысли, что сестра ея счастлива, что она жена любимаго человѣка, сердце ея наполнялось тихой радостью. Но что скажетъ Ольга Александровна? Чтó если она не проститъ? Чтó если запретитъ ей видѣтся съ сестрой? И Машу обдавало холодомъ. Она пыталась придумать заранѣе, что скажетъ теткѣ, но на нее нападалъ такой страхъ при одной мысли о встрѣчѣ съ ней, что дрожь пробѣгала по всѣмъ ея членамъ. Она пробовала молиться, но не могла; въ первый разъ слова молитвы путались на ея устахъ, и мысли были далеко.

Цѣлый день провела она въ этомъ мучительномъ состояніи. Наконецъ послышался издали зловѣщій звукъ колесъ, и карета запряженная шестерикомъ, въѣхала на дворъ. Въ домѣ поднялась бѣготня. Маша собралась съ духомъ и поднялась съ мѣста, но силы ей измѣнили: она остановилась недоумѣвая, пойдетъ-ли на встрѣчу тетки или убѣжитъ куда нибудь безъ оглядки. Горничная отворила дверь и рѣшила ее недоумѣніе словами:

— Пожалуйте, барышня, тетенька пріѣхала.

Маша застала ее уже въ гостиной, и остановилась блѣдная у дверей. Ольга Александровна окинула ее своимъ пытливымъ взглядомъ.

— Что съ тобой?... спросила она, — что случилось?

— Тетушка, промолвила Маша, прижимая руки къ груди, — простите....

Тетка подошла къ ней.

— За что такое? Гдѣ Вѣра.

— Она... ее Х...въ увезъ...

Наступило минутное молчаніе. Ольга Александровна измѣнилась въ лицѣ.

— Увезъ? спросила она,—или она съ нимъ ушла?... Говори правду.

— Простите, проговорила едва внятно Маша и опустилась на колѣни.

Старуха къ ней склонилась и стиснула въ своихъ крѣпкихъ, сухихъ рукахъ трепетныя руки молодой дѣвушки. Она была блѣдна, губы ея дрожали.

— Ушла! прошептала она, — ушла... поругалась надо мной! Такъ вотъ ея спасибо!..- Нѣтъ, не будетъ ей прощенія, а я ее... Она остановилась на минуту, перевела

духъ, и продолжала стиснувъ зубы,—а моли Бога, чтобъ я ее не прокляла.

Глухой стонъ вырвался изъ груди Маши. Она быстро высвободила свои руки и обняла колѣни Ольги Александровны.

— Нѣтъ! крикнула она, — нѣтъ, я умолю за нее Бога и васъ.... я искуплю ея вину, я вамъ отдамъ всю мою жизнь....

Она нагнулась къ ней и поцаловала ея ноги. Это движеніе, эти слова, прерванныя рыданьями, ея мутныя взоры, растерянные отъ страха и горя, тронули суровое сердце. Ольга Александровна остановила на ней смягченный уже взглядъ и не отвѣчала.

— Простите! повторяла Маша.

Но въ эту минуту подъѣхла къ террасѣ вся въ мылѣ лошадь съ сѣдокомъ. Онъ прыгнулъ на землю и подошелъ къ отворенной двери.

— Ольгѣ Александровнѣ ***, сказалъ онъ, подавая письмо,—отъ Николая Алексѣевича Х. и *ихней* супруги.

Черты Ольги Александровны мгновенно исказились выраженіемъ гнѣва и злобы. Она оттолкнула молодую дѣвушку, отступила на шагъ, выпрямилась и обернулась къ посланному.

— Николая Алексѣевича и его супруги я не знаю, проговорила она громовымъ голосомъ,—убирайся съ ихъ письмомъ по добру по здорову, а если они сами сюда пожалуютъ, пусть не взыщутъ на пріемъ.

Маша склонилась, какъ подкошенный колосъ къ землѣ; горничныя подняли ее и положили на диванъ, а Ольга Александровна, не взглянувши даже на нее, стала хо-

дить неровными шагами по комнатѣ, какъ голодный тигръ въ клѣткѣ.

VI.

Когда Маша пришла въ себя, она лежала на диванѣ и горничная примачивала ей голову холодной водой. Маша глубоко вздохнула.

— Спасибо, Аннушка, сказала она, мнѣ теперь лучше. Поди.

Оставшись одна, она сѣла на диванъ. Уже темнѣло; все было тихо кругомъ, только кузнечикъ трещалъ гдѣ-то въ углу. — Вѣра любитъ пѣсню кузнечика, подумала разсѣянно Маша. Отрывочныя мысли роились въ ея головѣ, и воображеніе представляло ей, какъ среди болѣзненной дремоты, всѣ событія и впечатлѣнія дня, рядомъ съ другими отдаленными впечатлѣніями и событіями, а между тѣмъ въ ея ушахъ раздавалось то и дѣло, какъ голосъ неизбѣжнаго рока, слова Ольги Александровны: «моли Бога, чтобъ я ее не прокляла.» То она себѣ представляла Вѣру, стоящую передъ алтаремъ въ своемъ розовомъ ситцевомъ платьѣ, то вспомнила объ отцѣ Гаврилѣ, то о послѣднемъ долгомъ поцалуѣ сестры. А кузнечикъ все трещалъ въ углу и она все думала: Вѣра любитъ пѣсни кузнечика, и вдругъ ей померещилась бѣдная Арина, умершая года за два передъ тѣмъ. Старушка приподнималась съ усиліемъ на своемъ смертномъ одрѣ, снимая блѣдной рукой съ гвоздика деревянный образъ, висящій у ея изголовья, и благословляла имъ плачущихъ сестеръ. Благослови васъ Господь, мои родимыя,

лепетала она ослабѣвшимъ голосомъ. И какъ будто въ отвѣтъ на ея слова, другой, грозный голосъ, говорилъ:— Моли Бога, чтобъ я ее не прокляла! Маша вздрогнула. Буду молить, шептала она, и образъ умирающей Арины пропадалъ будто въ туманѣ. А кузнечикъ трещалъ своимъ неумолчнымъ говоромъ. — Вѣра любитъ пѣсню кузнечика, думала опять Маша и она видитъ передъ собой плачущую Вѣру.—Я ее не люблю,—говоритъ Вѣра, и ты ее не любишь, Маша. И Маша повторяетъ за сестрой:— я ее не люблю.... и ей становится страшно! Она не любитъ тетки, не любитъ благодѣтельницы; на ней лежитъ тяжкій грѣхъ, грѣхъ неблагодарности, и не уйдетъ она отъ наказанія, не уйдетъ отъ него и Вѣра....—Такъ вотъ ея спасибо!.... Моли Бога, чтобъ я ее не прокляла..... повторяетъ опять кто-то, стиснувъ зубы; и на ней останавливается взоръ, сверкающій гнѣвомъ. И Маша закрываетъ невольно глаза.—Буду молить, буду молить, говоритъ она поспѣшно. Сердце ея замираетъ и она пытается освободиться отъ неяснаго бреда. Она открываетъ глаза и смотритъ около себя. Совсѣмъ уже стемнѣло: все тихо и только кузнечикъ трещитъ въ углу свою веселую пѣсню. Луна поднялась уже высоко на небѣ и освѣщала бронзовое распятіе висящее въ углу комнаты. Маша взглянула на него, какъ будто прося у него помощи. — Проклятіе, проклятіе надъ Вѣрой! думала она, нѣтъ я умолю и за себя и за нее, я возьму на себя одну нашъ общій грѣхъ противъ тетки.

Голова ея горѣла; нервное раздраженіе, страхъ мучившій ее цѣлый день, мысль, что Вѣра счастлива и горе разлуки, можетъ быть вѣчной разлуки, столькихъ раз-

народныхъ впечатлѣній и въ особенности ужасъ, съ которымъ она думала о проклятіи, готовомъ разразиться надъ головой сестры, довели ее до лихорадочнаго бреда. Она была восторженнаго и мечтательнаго характера и мысль, поразившая ее, разросталась иногда до неожиданныхъ размѣровъ. Запуганное воображеніе не позволяло ей взглянуть на вопросъ съ настоящей точки зрѣнія. Она даже не посмѣла спросить у себя: виноваты-ли она и Вѣра въ недостаткѣ любви къ Ольгѣ Александровнѣ, или виновата въ этомъ сама Ольга Алаксандровна, и какое преступленіе совершила Вѣра противъ тетки? Она забыла, что въ христіанскомъ мірѣ нѣтъ мѣста для проклятія, и сознавала лишь то, что надо отвратить проклятіе,—и она его отвратитъ.

Она встала, опустилась на колѣни, не спуская глазъ съ распятія, озареннаго мѣсячнымъ сіяніемъ, и излила передъ этимъ единственнымъ свидѣтелемъ ея горя всѣ свои слезы, всю свою душу, и послѣднее слово жизни было для нее сказано въ эти горькіе часы. Она молила Бога принять ея жертву и смягчить сердце тетки; она отрекалась отъ своего счастья и просила Бога отдать его на долю Вѣры, и какъ искупительная жертва произнесла обѣтъ посвятить теткѣ всю свою жизнь, а если ее переживетъ, укрыться въ монастырь, гдѣ будетъ доживать свой вѣкъ въ молитвѣ и покаяніи.

Вдругъ дверь отворилась и впустила въ комнату яркую полосу свѣта.

— Вы все еще здѣсь, барышня? сказала вошедшая Аннушка,—а мы васъ ищемъ. Ужинать давно подали.

— Не хочу, отвѣчала Маша.—А что тетушка?

— И онѣ ужинать не изволили и ушли къ себѣ; а еще не ложились.

Машѣ стало страшно при мысли, что надо будетъ идти прощаться съ Ольгой Александровной, и, можетъ быть, выслушать опять ея безпощадные упреки; но это испытаніе было первымъ шагомъ на пути, только что избраннымъ ею, и она пошла въ спальню тетки.

Старуха въ ночной кофтѣ и чепцѣ сидѣла на кровати; руки ея были опущены на колѣни, лицо озабочено и взоры пристально устремлены на полъ; но видно было, что ея мысли бродили далеко. При звукѣ шаговъ она подняла голову и взглянула на племянницу; въ лицѣ Маши не было ни кровинки.

— Хорошо тебя угостила сестрица, сказала Ольга Александровна,—ложись поскорѣй и отдохни.

— Я пришла съ вами проститься и пожелать доброй ночи, тетушка, отвѣчала Маша и, поцаловавъ ея руку, возвратилась къ себѣ.

Ей было душно: она отворила окно, вдохнула въ себя свѣжій воздухъ и сѣла. Возможно ли, что нѣсколько часовъ тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ сидѣла Вѣра? Маша впродолженіи этого дня прошла черезъ столько различныхъ ощущеній, столько пережила, что готова была считать годами время, протекшее послѣ ея послѣдняго разговора съ сестрой; и ей казалось, что съ тѣхъ поръ между ними легла непроходимая бездна и что имъ уже не суждено никогда свидѣться.

Освѣжившись у окна, она отворила кивотъ, чтобъ оправить по обыкновенію лампаду. Письмо, лежащее на молитвенникѣ бросилось ей въ глаза. Маша его схва-

тила, и блѣдныя ея щеки вспыхнули. Она зажгла торопливо свѣчу и принялась читать. Сколько слезъ упало на эти строки, писанныя рукой Вѣры! Они вызвали въ сердцѣ Маши грустную радость, радость возбужденную въ насъ далекимъ голосомъ друга, съ которымъ мы давно разстались. Вѣра заключала свое письмо выраженіемъ надежды, что и сестра ея встрѣтитъ человѣка, котораго полюбитъ, и будетъ съ нимъ счастлива; но бѣдная дѣвушка грустно улыбнулась, читая эти строки.

— Нѣтъ, мнѣ не суждено быть ничьей женой, подумала она, — судьба моя рѣшена.

Почувствовавши наконецъ сильную потребность въ отдыхѣ, она раздѣлась и легла, немного успокоенная теплой молитвой и принятымъ рѣшеніемъ, и испытала минуту отрады, протягивая на кровати свои усталые члены. Она закрыла въ утомленіи глаза, но и среди дремоты ее не покидали мучившія ее мысли: — Я умолю за нее, тетушка проститъ, повторяла она, засыпая.

Съ этого дня ею совершенно овладѣлъ религіозный фанатизмъ, къ которому она уже была склонна, и все способствовало къ его развитію: уединеніе, постоянная необходимость скрывать отъ всѣхъ свои слезы, а въ особенности мысль, что она должна умолить за сестру. Чтеніе божественныхъ книгъ, ночныя бдѣнія и молитвы приводили ее иногда въ лихорадочный восторгъ. Я умолю за нее, умолю, повторяла она, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ей приходилось умолить за какой нибудь тяжкій грѣхъ. Угроза проклятія, вырвавшаяся у Ольги Александровны, преслѣдовала ее, какъ привидѣніе, и подъ

вліяніемъ своего страха она забывала, что сестра ея одинаково чиста передъ Богомъ и передъ людьми.

Не скоро угомонилась старуха. Оскорбленная ея гордость не мирилась съ замужствомъ Вѣры. Съ тѣхъ поръ, какъ Ольга Александровна похоронила отца, единственнаго человѣка, которому она повиновалась, всѣ признавали ея волю, какъ неотразимую необходимость, и надо же ей было дожить до девяноста лѣтъ, чтобъ дѣвочка, которую она могла уничтожить единственнымъ словомъ, единственнымъ взглядомъ, показала такое полное презрѣніе къ ея волѣ, сбросила такъ дерзко ея власть; и это преступленіе совершилось безнаказанно! Она толковала съ утра до ночи о Вѣрѣ, въ самыхъ унизительныхъ, въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, и какъ будто умышленно высказывала свой гнѣвъ въ присутствіи прислуги. Маша глотала слезы и слушала молча и блѣднѣя, и принимала эту пытку, какъ жертву, которую приносила Богу.

— Страданье стоитъ молитвы, подумала она,—а мнѣ надо за нее умолить.

Но это безмолвное страданье было до такой степени трогательно, что Ольгѣ Александровнѣ становилось иногда жаль бѣдной дѣвушки, и она старалась смягчить немного впечатлѣніе, произведенное ея рѣчью. Но чувство постигается только чувствомъ, самый обширный умъ оказывается совершенно ограниченнымъ въ чуждой ему сферѣ, и Ольга Александровна не понимала, что повертываетъ опять ножъ въ сердцѣ племянницы, когда обращалась къ ней со словами:

— А ты за нее не отвѣтчица, ты пока ведешь себя

честно. Богъ милостивъ: авось не забудешь моей хлѣбъ-соли, и не опозоришь ни себя, ни меня на старости.

Обѣщавши посвятить свою жизнь Ольгѣ Александровнѣ, Маша скоро поняла однако, что такую задачу трудно было исполнить. Ольга Александровна, при своемъ желѣзномъ здоровьѣ, не требовала попеченія и ухода, въ которыхъ нуждается обыкновенно старость, а по своему характеру она не просила ни любви, ни ласки. Однако, желая, во что бы ни стало, быть ей чѣмъ нибудь полезной, Маша придумала взять на себя хлопоты по домашнему хозяйству. Въ этомъ дѣлѣ для нея было труднѣе всего приступить къ вопросу. Наконецъ она собралась съ духомъ и вымолвила робко свою просьбу. Ольга Александровна задумалась:

—Помощь мнѣ не нужна, сказала она,—да и что ты въ этомъ дѣлѣ понимаешь? А все таки придумала умно, хотя мнѣ и за девяносто, я благодаря Бога, жаловаться не могу на свое здоровье, а не нынче, такъ завтра, пожалуй и силы измѣнятъ. Положиться мнѣ не на кого: будутъ обкрадывать кругомъ. Привыкай по немногу изъ-за моихъ рукъ. Боюсь только, что тебя всякій проведетъ, — а можетъ немного и натарѣешь.

Съ этого дня Маша записывала счеты подъ ея руководствомъ, читала ей деревенскія вѣдомости и письма старостъ, и писала отвѣты по ея приказанію. Когда она, не съ разу понимала того, что отъ нее требовалось, тётка смотрѣла на нее тѣмъ неотразимымъ взглядомъ, который приводилъ ее въ трепетъ.

— Нѣкогда мнѣ, мать моя, повторять по десяти разъ одно и тоже, говорила Ольга Александровна. — Коли не

можешь дѣломъ заниматься, хоть не мѣшай другимъ дѣло дѣлать.

И Маша творила мысленно молитву, и старалась вникать въ каждое слово; но случалось не рѣдко, чувство страха отымало у нея возможность слѣдить за нитью мысли. Тогда Ольга Александровна вырывала у нея изъ рукъ счетную книгу или письмо къ старостѣ и говорила: «довольно!» такимъ голосомъ, что бѣдная дѣвушка выходила, ни жива, ни мертва, изъ ея комнаты.

Когда пришло время возвращаться въ Москву, Маша подумала съ сильнымъ безпокойствомъ, что ей придется опять показываться въ свѣтъ, гдѣ можетъ быть встрѣтитъ случайно сестру, и объ этой возможности думала не съ чувствомъ радости, а на оборотъ съ неописаннымъ ужасомъ. Безъ тётки она никогда не выѣзжала, и холодный потъ выступалъ у нея на лбу при мысли, что Вѣра встрѣтится лицомъ къ лицу съ Ольгой Александровной. И кромѣ того Машѣ было не до выѣздовъ: грустное расположеніе ея духа требовало уединенія, и свѣтъ, который и прежде мало ее прельщалъ, казался ей теперь безпріютной пустыней, гдѣ она будетъ чужда всѣмъ и каждому. Она рѣшилась улучить удобную минуту, чтобъ попросить у тётки позволенія не выѣзжать нынѣшней зимой. Ольга Александровна приняла ея просьбу очень благосклонно:

— То-то, видно, послѣ такого срама не любо показаться добрымъ людямъ, замѣтила она.—Не хочешь, такъ и сиди пожалуй дома; и мнѣ покойнѣе, да и траты меньше.

На томъ и порѣшили. Возвратившись въ Москву, Ольга Александровна, предвидя опять со стороны Вѣры,

какую нибудь попытку къ сближенію, запретила людямъ принимать отъ нея письма, и объявила, что если кто нибудь впуститъ въ домъ ее или мужа, тотъ не уйдетъ отъ самаго строгаго наказанія.

Но не смотря на всѣ угрозы и предосторожности старухи, великая радость ожидала Машу въ Москвѣ: Вѣра воспользовалась привязанностью, которую онѣ обѣ умѣли внушить прислугѣ Ольги Александровны, чтобъ доставить письмо сестрѣ. О свиданьѣ нечего было и думать, но переписка внесла въ грустное сердце молодой отшельницы неожиданную отраду, и ея жизнь, однообразная и тоскливая, озорялась солнечнымъ лучемъ, когда повѣренная ихъ горничная входила въ ея комнату и, затворивъ съ улыбкой дверь, подавала ей запечатанное письмо.

Завязавшаяся переписка уже не прекращалась, и даже въ деревнѣ онѣ находили, хотя изрѣдка, возможность получать извѣстія другъ отъ друга. Вѣра была уже матерью и старалась дѣлится съ сестрой своимъ счастьемъ, сообщая ей малѣйшія подробности о своей маленькой Кати, которая выучилась лепетать имя «тёти Маши» Но сколько горя примѣшивалось къ радости бѣдной дѣвушки, когда она читала эти письма!—Увидитъ-ли она когда нибудь этого ребенка, который былъ ей такъ дорогъ? Обниметъ ли она когда нибудь Вѣру, и по мѣрѣ того какъ день уходилъ за днемъ, разлука становилась тягостнѣе для сестеръ.

VII.

Прошло наконецъ цѣлыхъ три года. Умайчиво время, и умаяло оно гнѣвъ Ольги Александровны. Когда она излила весь пылъ своего негодованія, когда натѣшилась вдоволь самыми ѣдкими упреками, сила перваго впечатлѣнія стала ослабѣвать и блѣднѣть передъ другими ежедневными впечатлѣніями и заботами. Возможности о сближеніи съ племянницей она не допустила ни одной минуты, и ожесточеніе не вымерло въ ея сердцѣ, но требовало уже предлога, чтобъ высказаться.

Богъ знаетъ, сколько времени могло длиться подобное положеніе дѣлъ; Богъ знаетъ, даже измѣнилось-ли бы оно когда нибудь? но Вѣра, не предупредивъ сестры, рѣшилась на отчаяный подвигъ, и случай пришелъ ей на помощь.

Въ жаркій весенній день, Ольга Александровна, возвратившись отъ воскресной обѣдни, которую отслушала съ племянницей въ сосѣднемъ селѣ, пила чай въ гостиной, потому что жаркое солнце обливало уже террасу. Давно Царь Дѣвица не находилась въ такомъ счастливомъ настроеніи духа. Въ церкви она встрѣтила купца, который объявилъ ей, что покупаетъ у ней рощу, а ѣхавши домой она любовалась на богатый всходъ полей. Передъ ней стояла Любаша съ подносомъ въ рукахъ.

Изо всѣхъ лицъ, окружающихъ Ольгу Александровну, одна Любаша не питала къ ней страха. Она была еще очень молода, когда барыня взяла ее къ себѣ въ услуженіе. Съ тѣхъ поръ онѣ не разставались, а съ тѣхъ поръ прошло цѣлое пол-столѣтіе, и привычка образовала

сильную связь между ними: Любаша говорила съ барыней не стѣсняясь и не робѣя, и барыня щадила одну только Любашу.

— Ты кажется мастерица сны толковать? спросила она, наливая сливки въ чашку чая.

— Э, матушка! какая я мастерица! Что отъ другихъ слышала, то и вру. А вотъ Афимья, маменькина сказочница, та точно мастерица была.

— И ты умѣешь; я намедни слышала, ты Васюткѣ толковала: она видѣла во снѣ что потеряла башмакъ съ ноги, а ты ей объясняла, что я на нее ни за что, ни про что прогнѣваюсь.

— Когда же это? я что-то не припомню, отвѣчала немного сконфуженная Любаша.

— Не отпирайся, говорила Ольга Александровна, улыбаясь и глядя на нее насмѣшливо.—Ты не можешь измѣнить значенія сна.

— Развѣ вы видѣли какой нибудь сонъ, тетушка? спросила робко Маша, обрадованная хорошимъ расположеніемъ тётки, и желая вывести Любашу изъ непріятнаго положенія.

— А вотъ, пусть она его мнѣ объяснитъ: видѣла я, что хожу здѣсь по дому и въ саду, и куда я не пойду, какая-то дѣвочка, лѣтъ двухъ, трехъ и прехорошенькая, все около меня вертится, и хватаетъ меня за ноги, словно остановить хочетъ. Куда я ни пойду, она все за мной, и я ее будто знаю, а припомнить не могу кто она такая.

— Дѣвочка, замѣтила Любаша,—это вамъ матушка, какое нибудь диво будетъ. Мальчикъ къ маянью, а дѣвочка къ диву.

— Мальчикъ къ маянью, а дѣвочка къ диву, отозвалась Ольга Александровна.—Вотъ какъ! Должно быть, Марья, что вся халдейская наука основана на созвучьяхъ, да только Васюткинъ - то сонъ меня съ толку сбиваетъ, продолжала она, возвращаясь къ своей шуткѣ, и потѣшаясь смущеніемъ Любаши.

Послѣ чая, Маша взяла привезенный наканунѣ съ почты нумеръ газетъ, и принялась читать его въ слухъ. Но вдругъ дверь, ведущая на террасу, тихо скрипнула, и хорошенькая, черноглазая дѣвочка, лѣтъ двухъ, въ бѣломъ платьецѣ и голубомъ поясѣ вошла въ комнату, остановилась, и, окинувъ ее любопытнымъ взоромъ, подбѣжала къ Ольгѣ Александровнѣ и поцаловала у нея руку. Старуха посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, а Маша измѣнилась мгновенно въ лицѣ. Она поняла смутно, что совершается около нея какое-то важное событіе, и въ неясныхъ ея мысляхъ мелькало имя сестры и роились неопредѣленныя надежды и мучительныя ожиданья чего-то страшнаго.

— Тётушка... крикнула она, всплеснувъ руками въ неописанномъ волненіи.

Въ эту минуту Вѣра выбѣжала блѣдная съ террасы и упала къ ногамъ тетки:

— Простите!.. проговорила она рыдая.

Все, что мы разсказали, совершилось такъ быстро, что Ольга Александровна, застигнутая въ расплохъ, не успѣла еще придти въ себя, когда дѣвочка влѣзла на стулъ, стоящій возлѣ нея, обхватила ея шею своими розовыми рученками и пролепетала:

— Бабушка, простите маму!

Маша дрожала, какъ листъ, и устремила на тётку взоръ, которымъ будто хотѣла проникнуть въ ея душу и угадать слово, готовое сорваться съ ея языка; она чувствовала, что это слово будетъ слово помилованія или смертнаго приговора.

— Встань, промолвила наконецъ Ольга Александровна,—я тебя прощаю за нее, продолжала она, показывая на маленькую Катю.—Видно такъ Богу угодно: я её видѣла сегодня во снѣ.

Вѣра съ радостнымъ крикомъ обняла судорожно колѣна тётки, потомъ вскочила и бросиласъ на шею сестры. Въ комнатѣ раздались рыданія. Слезы навернулись на глазахъ Ольги Александровны.

— Ну, довольно, сказала она смущеннымъ голосомъ,— садись Вѣра.

Она приласкала Катю и приказала ей сидѣть смирно, обѣщая, что въ противномъ случаѣ, бабушка поставитъ ее въ уголъ.

Дѣйствительно-ли настроенное воображеніе заставило ее найдти въ чертахъ Кати черты ребенка, котораго она видѣла во снѣ, или она не желала признаться въ добровольной уступкѣ, и придралась къ предлогу, который могъ бы ее объяснить, но дѣло въ томъ что миръ былъ заключенъ. Она разспросила Вѣру о дѣлахъ и доходахъ ея мужа, о ея отношеніяхъ съ его семействомъ, о ихъ житьѣ - бытьѣ вообще. Въ продолженіи этого разговора, Маша молчала и глядѣла поочередно то на сестру, то на племянницу, которую держала на колѣняхъ, осыпая поцалуями.

— Вотъ и умолила! думала она, и слезы дрожали на ея рѣсницахъ.

Сестры ждали съ нетерпѣніемъ времени, когда имъ можно будетъ наговориться, вдоволь наглядѣться другъ на друга, но нечего было и думать о томъ, чтобъ уйдти отъ тётушки, и онѣ остались вдвоемъ лишь послѣ обѣда, когда Ольга Александровна пошла отдыхать.

Но онѣ такъ долго не видались, и столько накипѣло на душѣ каждой изъ нихъ, что онѣ не знали съ чего начать, какъ высказать все то, что чувствовалось такъ живо, и обмѣнивались полу-словами, а иногда и пустыми вопросами. Между тѣмъ домашняя прислуга и дворовые явились толпой взглянуть на Вѣру и поздороваться съ ней. Она обнимала всѣхъ, говорила всѣмъ ласковое слово и показывала имъ свою дочь.

— А вы бы у насъ погостили, красавица, сказала, цѣлуя ея руку, Аннушка, горничная обѣихъ сестёръ,—и я бы вамъ постельку постелила на прежнемъ мѣстѣ.

Вѣра обернулась къ сестрѣ и сказала ей по французски.

— Еслибъ мнѣ можно было остаться здѣсь дня два, я бы увѣдомила мужа. Какъ ты думаешь, позволитъ-ли тетушка?

— Я у нея спрошу, отвѣчала Маша. Она уже проснулась: я сейчасъ слышала ея звонокъ.

Она вошла къ Ольгѣ Александровнѣ, котораа стояла передъ зеркаломъ и надѣвала свой высокій чепецъ.

— Тетушка, проговорила робко Маша,—Вѣра не доѣдетъ къ ночи домой... Еслибъ она одна, а то съ ребенкомъ... Не позволите ли вы ей здѣсь ночевать?

— Отчего же не ночевать? отозвалась старуха,—пускай ночуетъ и погоститъ сколько хочетъ.

Маша подошла къ ней и прильнула долго своими губами къ ея рукѣ. Ольга Александровна потрепала ее по щекѣ.

— Поди, начала она опять,—и распорядись, у тебя-ли будетъ она ночевать, въ угольной-ли, какъ сами хотите.

И какъ въ былое время, сестры ночевали вмѣстѣ, въ своей прежней комнатѣ; какъ въ былое время, оправивши горящую передъ образами лампаду, онѣ молились вмѣстѣ, стоя рядомъ на колѣняхъ,—и какъ молились!

Вѣра пробыла два дня въ Бѣлой, и уѣхала, давши Машѣ обѣщаніе, что возвратится недѣли черезъ двѣ. Прощаясь съ Ольгой Александровной, она благодарила ее со слезами горячей признательности, и предложила ей вопросъ, котораго не смѣла вымолвить раньше:

— Тетушка, а вы позволите моему мужу пріѣхать къ вамъ?

— Увидимъ, отвѣчала сухо старуха.

VIII.

Ольга Александровна, возвратившись поздней осенью въ Москву, объявила Вѣрѣ, что согласна принять ея мужа, и съ этой минуты прежнія отношенія возстановились повидимому между теткой и племянницей. Но хотя Ольга Александровна простила, она была неспособна забыть оскорбленія, нанесеннаго когда-то ея самолюбію, и угощала молодую женщину самыми ядовитыми намека-

ми, когда была не въ духѣ. Однако Вѣра ѣздила къ ней каждый день, выносила по прежнему ея капризныя выходки и читала ей по прежнему Московскія Вѣдомости, или сидѣла въ комнатѣ сестры, когда тетка была занята. Но Николай Алексѣевичь, не связанный ничѣмъ съ сухой, своенравной, деспотической старухой, бывалъ у нея лишь насколько признавалъ себя къ тому обязаннымъ своимъ положеніемъ въ семействѣ.

Маша, изъ боязни огорчить Вѣру, не повѣрила ей даннаго обѣта въ день ея бѣгства, и молодая женщина, мечтая постоянно о возможности счастливаго замужества для сестры, надѣялась вывозить ее въ свѣтъ съ разрѣшенія тетки. Но Маша отклоняла постоянно ея предложеніе.

— Мнѣ скучно, мнѣ словно холодно среди чужихъ лицъ, Вѣра, говорила она, я совсѣмъ отвыкла отъ свѣта; а была бы ты со мной, да Катя, и никого мнѣ не нужно.

По этому поводу завязывались часто между ними горячіе споры. Вѣра истощала напрасно свое краснорѣчіе, но всетаки не отказывалась отъ надежды убѣдить со временемъ сестру, и возобновляла каждую зиму свое предложеніе:

— Твоя молодость погибнетъ даромъ, Маша, говорила она ей разъ; подумай, что ужъ и теперь прошла для тебя лучшая пора жизни.

Маша взглянула на нее и грустно улыбнулась:

— Прошла, заговорила она, и мы ее ужъ не вернемъ: мнѣ двадцать восемь лѣтъ.

Она подошла къ зеркалу и продолжала:

— Посмотри, я была когда-то хороша... Но я не жа-

лѣю ни о своей молодости, ни о своей красотѣ. Послушай, я не хотѣла говорить тебѣ этого раньше, но теперь, авось ты поймешь, что не о чемъ горевать. Я никогда не была расположена къ замужству, и обѣщалась передъ Богомъ, что буду ходить за тетушкой пока она жива, а ее не станетъ—пойду въ монастырь.

— Въ монастырь! воскликнула Вѣра, и слезы ея брызнули.

— Не плачь, Вѣра. Тетушка еще здорова, и дай ей Богъ много лѣтъ пожить. А развѣ намъ нельзя будетъ видѣться каждый день, когда буду въ монастырѣ. Богъ мнѣ послалъ единственное счастье, о которомъ я его молила: тебя простила тетушка, мы опять вмѣстѣ, и я ничего не жду уже отъ жизни.

Но Вѣра продолжала плакать. Она догадывалась при какихъ обстоятельствахъ ея сестра могла произнести подобный обѣтъ, и выразила ей прямо свои подозрѣнія на этотъ счетъ.

Маша не умѣла лгать: она покраснѣла, и остановила на сестрѣ свой прямой, открытый взглядъ.

— Ты права, сказала она,—и ты могла бы сокрушаться, еслибъ я дала такое обѣщаніе, а потомъ полюбила бы кого нибудь. Это точно было бы горемъ, но ты знаешь, что я никого не любила, а безъ любви я не понимаю замужства.

Вѣра бросилась, рыдая, къ ней на шею и не могла вымолвить слова.

— Да полно же, Вѣра, полно, ради Бога, говорила Маша, стараясь ее успокоить своими ласками и тихими словами.—Неужели ты сокрушаешься о томъ, что я не

выйду замужъ? Скоро надо будетъ думать о замужствѣ Кати, продолжала она улыбаясь, а ты все еще хлопочешь о моемъ.

Но Вѣра долго не могла помириться съ мыслью, что для нее, исключительно для нее, сестра отказалась отъ счастья; что никакая радость не улыбнулась Машѣ, что молодость ея прошла среди сухой, удушливой сферы, что она отжила свой вѣкъ, и что не нынче, такъ завтра бѣлокурые ея волосы скроются подъ монашеской шапкой. Однако судьба рѣшила иначе.

Ольга Александровна дожила уже столѣтіе, и время начинало наконецъ вступать въ свои права надъ ней. Зрѣніе ея слабѣло, и ей случалось жаловаться на усталость, словомъ она ознакомилась съ недугами, извѣстными, особенно въ наше время, женщинамъ вдвое ее моложе; но она была такъ избалована своимъ несокрушимымъ здоровьемъ, что пыталась одолѣть дѣйствіе лѣтъ и въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ помнила себя посовѣтовалась съ медикомъ. Медикъ спросилъ, который ей годъ, и, выслушавъ съ удивленіемъ, почти съ недовѣрчивостью отвѣтъ, посовѣтовалъ ей обзавестись очками, не утомлять себя и помириться съ слабостью.

Очками она обзавелась, но съ проявленіями старости помириться не могла, и пробовала напрасно переломить себя и удержать привитую съ молодости привычку постоянной дѣятельности. Но, не смотря на всѣ ея усилія, законъ природы бралъ свое и напоминалъ ей все болѣе, съ каждымъ днемъ, о прожитомъ ею столѣтіи. Домашняя ея дѣятельность была очень сложна. Въ Москвѣ, какъ въ деревнѣ, Ольга Александровна держала многочисленную

дворню, состоящую преимущественно изъ дѣвушекъ, которыя работали по урокамъ, и изъ мастеровыхъ. Ничего почти не заказывалось,—все дѣлалось дома. Сама барыня никогда ни занималась рукодѣльемъ, и говорила обыкновенно, что кто̀ работаетъ руками, а кто̀ головой,—и дѣйствисельно работала головой. Она умѣла съ замѣчательной смѣтливостью растолковать шорнику въ чемъ состоитъ недостатокъ его хомута, неискусному кузнецу, какъ обтянуть шину на колесѣ, или плотнику, почему неправиленъ накатникъ или шатки сваи, и обходила обыкновенно съ утра свои рабочія и мастерскія. Не смотря на совѣты медика, она долго не рѣшалась перемѣнить свой образъ жизни, но случалось часто, что, покончивъ съ хозяйственными хлопотами, она уже не могла провѣрить счетовъ, сведенныхъ племянницей, или продиктовать ей письма въ деревню, и была принуждена отдохнуть передъ обѣдомъ. Эта необходимость, которой она уступала скрѣпя сердце, наводило на нее обыкновенно самое непріятное расположеніе духа. На вопросъ Маши: — Какъ вы себя чувствуете, тетушка? она отвѣчала:

— Еще не умерла, матушка,—да ты не унывай: скоро дождешся; а за обѣдомъ увѣряла, что бѣготня и шумъ прислуги не дали ей возможности заснуть, и что она устала звонивши, прежде нежели кто нибудь потрудился къ ней войдти. А между тѣмъ весь домъ замиралъ, какъ скоро она ложилась, и двѣ горничныя караулили ея звонокъ у двери спальной.

Разрушеніе совершало свое дѣло, хотя и медленно, но безпрерывочно. Съ каждымъ годомъ ей становился необходимѣй отдыхъ, съ каждымъ годомъ ей приходилось

отказываться, все болѣе и болѣе, отъ дѣятельности, и съ каждымъ годомъ она становилась раздражительнѣй и желчнѣй. Она тосковала въ бездѣйствіи и нуждалась въ развлеченіи и бесѣдѣ, но отказавшись давно отъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, она окружила себя бѣдными приживалками, которыя были принуждены, по своему положенію, переносить ея взыскательность и капризы. Тяжкимъ гнетомъ тяготѣло на нихъ ея гостепріимство, жутко имъ было подъ ея кровомъ, и жесткимъ казался ея хлѣбъ. Ни одна изъ нихъ не смѣла принять кого бы то ни было къ себѣ, ни даже выйдти со двора безъ ея позволенія. По утру онѣ являлись къ ней, чтобъ освѣдомиться о ея здоровьѣ и поцаловать ея ручку, и возвращались въ свои уголки, гдѣ сидѣли, пока Ольга Александровна занималась, по возможности, или отдыхала, а въ часъ обѣда всѣ сходились въ столовой, куда являлась и сама хозяйка дома.

Въ послѣдніе годы ея жизни, скупость ея дошла до неимовѣрныхъ границъ. Обѣдъ ея не отличался никогда роскошью, хотя былъ приличенъ, но, уменьшая все болѣе и болѣе свои расходы, она стала наконецъ довольствоваться не свѣжей провизіей, которую взвѣшивали при ней, а передъ обѣдомъ она разрѣзывала сама кушанья, разсчитывая куски по числу домашнихъ.

За столомъ всѣ молчали, кромѣ самой хозяйки, которая угощала обыкновенно своихъ слушательницъ жалобами о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, и о томъ, какъ накладно содержать лишняго человѣка. Вечеромъ, всѣ собирались въ ея спальню. Тамъ возвышался за кроватью большой шкафъ съ образами, и стояли нѣсколько стульевъ

и кованный сундукъ, гдѣ хранилось серебро, вещи, деньги и ломбардные билеты. Большія, обитыя темной, давно истертой кожей, вольтеровскія кресла, въ которыхъ сидѣла всегда старуха, довершали убранство этой комнаты. Маша читала вслухъ газеты или книгу взятую изъ библіотаки, между тѣмъ какъ Ольга Александровна слушала, закинувъ голову на спинку своего кресла, и отъ времени до времени окидывала взоромъ домашнихъ, которые занимались работой, не смѣя обмѣниться шепотомъ несколькими словами, ни даже переглянуться.

Скажемъ слово объ ея отношеніяхъ къ крѣпостнымъ. Заставляя ихъ работать цѣлый день, отрицая въ нихъ всякое право на мысль или на чувство, она придерживалась однако съ ними той ограниченной справедливости, которую поставила себѣ правиломъ, и признавала, въ свою очередь, обязанностью въ отношеніи къ нимъ. Она ихъ лечила, когда они были больны, и содержала прилично, съ той минуты когда начала хозяйничать, но цѣны на все значительно возвысились, такъ что жалованье, достаточное во второй половинѣ прошлаго столѣтія, стало совершенно ничтожно въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ особенности для людей, неимѣющихъ времени работать на себя, иначе какъ по воскресеньямъ и по праздникамъ. Но возрастающая скупость не позволяла ей измѣнить учрежденнаго когда-то порядка. Что разъ заведено, то свято, говорила она, и выдавала горничнымъ по рублю серебромъ, по два платья, и по пятнадцати аршинъ холста къ новому году.

Надо прибавить однако что она и себѣ въ ущербъ придерживалась поговорки, утверждающей что заведен-

ное свято. Еще въ своей молодости она рѣшила, что разъ въ годъ можно потѣшить крѣпостныхъ, и на святкахъ отмѣнила работу, позволяла имъ наряжаться и плясать, и посылала ихъ въ театръ, хотя цѣны на ложи возвысились, какъ и на все остальное. Руководясь также правиломъ, что люди обязаны на нее работать, на что она обязана въ свою очередь ихъ кормить и одѣвать, она не брала оброка съ дворовыхъ, ходившихъ по паспорту, говоря, что какъ скоро она ихъ не содержитъ, то теряетъ право пользоваться ихъ трудами, но строго требовала, чтобъ они помогали своимъ семействамъ. Грамотность въ прислугѣ она очень поощряла, повторяя часто, что ученье свѣтъ, а неученье тьма.

IX.

Скоро надо будетъ подумать о замужествѣ Кати,—говорила улыбаясь нѣсколько лѣтъ тому назадъ Марья Николаевна сестрѣ, и дѣйствительно незамѣтно подошла минута, когда въ московскихъ гостиныхъ появилась рядомъ съ красавицей еще матерью, переростая ее, молодая дѣвушка, стройная какъ Діана. Двѣ три зимы она платила дань молодости и веселью, ѣздила на всѣ рауты и плясала на всѣхъ балахъ, и наконецъ ея свѣтскія пріятельницы получили приглашеніе одѣть ее къ вѣнцу и попировать на ея свадьбѣ.

Ольгѣ Александровнѣ было тогда около ста десяти лѣтъ, но она еще сохранила всѣ свои умственныя способности, и на столько физической бодрости чтобъ явиться на свадьбу внучки, которой подарила для вѣнчальнаго на-

ряда изумрудъ, полученный на зубокъ отъ Императрицы Анны. Въ этотъ день весь домъ Вѣры Николаевны принялъ праздничный видъ: вездѣ сіяли огни и цвѣты, вездѣ мелькали бѣлыя воздушныя платья; отовсюду выглядывали улыбающіяся лица. Когда невѣста, уже одѣтая къ вѣнцу, сѣла передъ столомъ, на которомъ стояла хлѣбъ-соль, всѣ взоры устремились на нее; но вдругъ присутствующіе переглянулись невольно подъ вліяніемъ общаго впечатлѣнія. Въ освѣщенную залу вошла медленнымъ но твердымъ еще шагомъ старуха, какъ будто поднявшись изъ давно засыпанной могилы, чтобъ взглянуть на давно покинутый міръ и показать себя людямъ отдаленнаго отъ нея поколѣнія. Молодыя красавицы, смотрѣвшія на нее съ удивленіемъ, видали лишь на семейныхъ портретахъ высокій кружевной чепецъ, прикрывающій не то напудренные, не то сѣдые волосы, широкую изъ темной ткани юбку, обшитую широкими оборками и обувь на высокихъ каблукахъ. Сгорбился одряхлѣвшій станъ, глубокія морщины бороздили ея сухія руки и помертвѣвшее лицо, но впалые ослабѣвшіе глаза не утратили своего злаго, пытливаго взгляда, и тихій голосъ, когда онъ возвышался, выражалъ еще всю энергію непреклонной воли.

Когда вошедшій шаферъ объявилъ, что женихъ въ церкви, она благословила невѣсту и бросила укоризненный взоръ на плачущую ея мать; но этотъ взоръ не смутилъ Вѣры Николаевны. Въ эту минуту весь міръ заключался для нее въ лицѣ дочери.

Въ церкви старуха стояла опять возлѣ красивой невѣсты. Казалось, что это живое привидѣніе хотѣло на

помнить молодежи о разрушеніи и смерти, и она какъ будто говорила окружающимъ, когда окидывала ихъ своимъ взоромъ: смотрите на меня, пока я еще не возвратилась въ свою могилу.

Но въ могилу Ѳльга Александровна сошла постепенно: она умирала медленно, и проскрипѣла цѣлыхъ еще шесть лѣтъ. Ея присутствіе на свадьбѣ внучки было послѣднимъ проявленіемъ ея жизненной силы. Съ этого дня она узнала, мало по малу, настоящія немощи старости, и мелочной страхъ смерти овладѣлъ этой твердой, этой непоколебимой природой. Намъ случалось видѣть, какъ умирали геройски люди ума ограниченнаго. Не умственныя способности, а теплота душевная образуютъ героевъ. Насколько были умны русскіе солдаты, умирающіе подъ Севастополемъ съ послѣднемъ «ура!» въ честь родины? На сколько были умны мученики, поющіе гимны на пылающихъ кострахъ? На сколько наконецъ умны люди, которыхъ не касается страхъ смерти, потому что ихъ сердце слишкомъ наполнено послѣдней заботой о друзьяхъ и семьѣ, послѣднемъ прости, которое придется скоро имъ сказать? Но не будетъ героемъ тотъ, кто не забывалъ себя никогда для другихъ, кто не зналъ ни любви, ни дружбы, ни душевнаго увлеченія! Ольга Александровна чувствуя, что жизнь её покидаетъ, стала, подъ вліяніемъ страха, накладывать на себя посты и обѣты; она хотѣла откупиться отъ смерти. Просвѣщенная ея вѣра замѣнилась грубымъ суевѣріемъ. Она навѣсила себѣ на шею безчисленное множество крестовъ и ладанокъ, посылала вклады въ церкви, заказывала то и дѣло заздравные молебны, и требовала, чтобъ

всѣ домашніе и дворовые при нихъ присутствовали, но не спросила себя вѣроятно никогда: съ какимъ чувствомъ эти люди молятся по ея приказанію? Она дала обѣщаніе стоять, каждый вечеръ, по три часа на молитвѣ. Горничныя не смѣли разумѣется ложиться, пока не ляжетъ барыня, и ждали съ нетерпѣніемъ, чтобъ она прекратила свои земные поклоны. Утомленная наконецъ долгимъ стояніемъ, она то и дѣло кликала то ту, то другую, и посылала ихъ посмотрѣть который часъ. Эти ночныя бдѣнія сокрушили окончательно ея крѣпкое сложеніе. Ольга Александровна начала страдать безсонницей. Съ этой минуты двѣ горничныя получили приказаніе сидѣть по ночамъ въ ея комнатѣ, и подымалась страшная гроза, когда которую нибудь изъ нихъ одолѣвала дремота. Случалось, по бо́льшей части, что старуха, не находя покоя въ постели, раздраженная потерей сна и безпрерывнымъ почти кашлемъ, проводила долгую ночь въ брани и выговорахъ, обращенныхъ къ своимъ сидѣлкамъ.

Ея подозрительность и недовѣрчивость росли по мѣрѣ того, какъ она теряла возможность слѣдить за хозяйствомъ. Она сдала его наконецъ Марьѣ Николаевнѣ, которая была однако обязана отдавать ей отчетъ въ своихъ малѣйшихъ распоряженіямъ. Но Ольга Александровна была ими постоянно недовольна. Она начинала терять память и соображеніе, забывала что приказывала; путала сроки, цѣны, выходила изъ себя, увѣряла, что по нерадѣнію племянницы всѣ ее обкрадываютъ, и осыпала ее упреками. Воры мерещились ей вездѣ. Ключъ отъ ея завѣтнаго сундука перешелъ сперва изъ столоваго ящика въ ея карманъ, и наконецъ она надѣла его на шнурокъ и

повѣсила на шею вмѣстѣ съ своими ладонками и крестами. Свои деньги и билеты она пересчитывала то и дѣло, подслушивала разговоры горничныхъ, и заключала изъ самыхъ невинныхъ ихъ словъ, что онѣ собираются ее ограбить, и когда Марья Николаевна пыталась ее успокоить, Ольга Александровна и бранила и обвиняла въ потакательствѣ ея злодѣевъ. Долго не сознавалась она, что зрѣніе ея совершенно ослабѣло, и сердилась если ея племянница или одна изъ горничныхъ подвигали ей подъ руку вещь, которую она искала ощупью на столѣ.

— Не безпокойся, мать моя, говорила она съ сердцемъ, — я, слава Богу, не слѣпа и не глуха, и меня никто не проведетъ. Цвѣтъ ассигнацій она могла еще различать вглядываясь въ нихъ пристально, но лишилась наконецъ и этой способности, и была принуждена обращаться къ домашнимъ; однако не вѣрила показаніямъ одного лица, и требовала всегда повѣрки другаго.

Наконецъ она потеряла совершенно память, и разсудокъ ея значительно ослабѣлъ. Она сознавала свою немощь, и это сознаніе сломило ея гордость и смягчило сердце. Она понимала, что сдѣлалось безсильнымъ ребенкомъ, жалкой игрушкой въ рукахъ того, который хотѣлъ бы воспользоваться ея грустнымъ положеніемъ. Ея слабость искала опоры, эту опору она нашла въ племянницѣ и привязалась къ ней эгоистическимъ чувствомъ, порожденныхъ инстинктомъ самосохраненія.

— Маша, говорила она иногда, лаская ее, — ты меня не оставь; я съ тобой покойна, я знаю, что ты меня не дашь въ обиду, да ты *имъ*-то не вѣрь, Маша. Онѣ тебя обманываютъ. Онѣ меня ограбить хотятъ.

Любящее сердце Марьи Николаевны не знало холоднаго анализа; она не изслѣдовала причинъ ея привязанности, была глубоко тронута ея ласками, забыла ея прежнюю жестокость и привязалась къ ней сама, святымъ чувствомъ состраданія. Она ходила за теткой, не жалѣя своихъ слабыхъ силъ, сидѣла съ ней почти цѣлый день, а иногда и часть ночи, и награждала щедро горничныхъ приставленныхъ къ больной. Вѣра Николаевна раздѣляла ея заботы и труды, но лѣто она проводила у дочери, а Ольгу Александровну увозили въ Бѣлую, гдѣ свѣжій воздухъ возвращалъ ей немного спокойствія и сна.

Грустную жизнь вела Марья Николаевна въ разлукѣ съ сестрой. Всѣ домашніе были къ ней горячо привязаны, но обмѣниться мыслями, чувствомъ, живымъ словомъ ей было не съ кѣмъ. Тоску наполняющую ея сердце она изливала иногда въ стихахъ, гдѣ душевная теплота замѣняла искусство. Она вставала рано и бродила по окрестнымъ рощамъ и аллеямъ сада, въ которыхъ гуляла еще дѣвочкой съ сестрой, или пользовалась временемъ, когда старуха отдыхала, чтобъ взглянуть на сельскіе хороводы, напоминающіе ей забавы дѣтства. Другаго развлеченія она не знала.

Здоровье ея не устояло противъ гнета безотрадной жизни, противъ утомленія и заботъ. Она стала чувствовать по временамъ сильную слабость и головную боль, но скрывала, по возможности, свое нездоровье отъ сестры, старалась перемогать себя и разсчитывала на приближающуюся весну, чтобъ поправиться въ деревнѣ. Но и въ деревнѣ она не поправилась и проводила иногда цѣлые дни въ постели. Между тѣмъ Ольга Александровна

спрашивала ее ежеминутно, но домашніе находили средство успокоить обманомъ умирающую старуху, которая почти совсѣмъ впала въ дѣтство. Кто нибудь изъ окружающихъ ее отвѣчалъ ей вмѣсто Марьи Николаевны. Однако это средство не всегда удавалось. Старуха, не смотря на свою глухоту, улавливала иногда звукъ чуждаго голоса, вслушивалась и спрашивала:

— Маша, да это ты?

Случалось также, что она бесѣдовала съ одной изъ домашнихъ, которую называла Машей, до той минуты, когда голосъ племянницы поражалъ ея ухо, тогда она сознавала смутно обманъ, въ которомъ однако не могла дать себѣ отчета.

— Ну, вотъ, теперь вижу, что ты, говорила она, удерживая ея руку, — а давича говорю съ тобой, знаю что ты, а все таки словно чужая. Право, точно во снѣ. Или я уже совсѣмъ изъ ума выжила, какъ моя покойная матушка?

Однако болѣзнь Марьи Николаевны увеличилась, и принудила ее наконецъ выписать медика изъ Владиміра. Медикъ разспросилъ, посмотрѣлъ, подумалъ и сказалъ ей наконецъ, что его занятія не позволяютъ ему частыхъ отлучекъ, между тѣмъ какъ ея состояніе требуетъ постояннаго надзора, а потому онъ ей совѣтуетъ переѣхать въ городъ и заняться серьезно своимъ леченіемъ.

На эту мѣру она не скоро рѣшилась; ее пугали хлопоты нераздѣльные съ переѣздомъ, а главное одиночество, въ которомъ она оставитъ Ольгу Александровну. Но болѣзненные припадки все усиливались и домашніе уговари-

вали ее со слезами согласиться на предложеніе медика. Передаю здѣсь разсказъ ея горничной.

— Всѣ мы собрались и стали ее упрашивать, говорила она,—а она, моя голубушка, все объ Ольгѣ Александровнѣ. Какъ, говоритъ, я тетушку оставлю! А мы говоримъ: да ужъ будьте покойны, матушка, онѣ безъ ухода не будутъ. Вѣдь онѣ, что малый ребенокъ, ихъ обмануть можно. Иной разъ онѣ точно будто въ *сомлѣніе* придутъ, а когда и совсѣмъ не поймутъ, что кто другой съ ними говоритъ вмѣсто васъ, а разнеможетесь вы совсѣмъ, такъ хуже будетъ. Хоть бы вы объ насъ-то пожалѣли: мы безъ васъ будемъ, что безъ матери родной. А сами плачемъ. Видитъ она, что мы въ такомъ горѣ, и согласилась. Какъ она только сказала, что поѣдетъ—мы ее въ какой нибудь часокъ собрали. Насъ было народу-то при господахъ видимо-невидимо, и поѣхали мы съ ней три дѣвки. Пошла она съ Ольгой Александровной прощаться, будто спать идетъ. Стала передъ ней на колѣни и руку у нея поцаловала, а Ольга-то Александровна какъ съ ней ласкова стала въ послѣднее время! тоже ее обняла и перекрестила, а у нея слезы на глазахъ навернулись. Такъ даже чувствительно было! Какъ вышли насъ провожать, просто стонъ стоялъ. Со всѣми она простилась, моя голубушка, и говоритъ: что вы, глупые, плачете, Богъ дастъ я скоро вернусь. А мы словно чуяли, что ей уже не вернуться.

Пріѣхали мы во Владиміръ. Остановились въ гостинницѣ и тотчасъ-же за докторомъ побѣжали. Прописалъ онъ ей лѣкарство и ушелъ, а я выбѣжала на крыльцо и спрашиваю:—Что, молъ, батюшка, какъ вы объ ней ду-

маете? Посмотрѣлъ онъ на меня, и говоритъ: Чего вы ждали? Давно бы ее сюда привезти. Очень теперь болѣзнь запустили. Такъ онъ меня словно варомъ обдалъ; а нечто мы виноваты, что болѣзнь запустили? Кабы наша-то была воля, мы бы ее, нашу матушку, на себѣ бы рады довести, да она все не рѣшалась. Потолковали мы, не написать ли къ Вѣрѣ Николаевнѣ,—да надо бы написать, ей ничего не сказывать, а мы не посмѣли, боялись какъ бы ее не напугать, коли вдругъ Вѣра Николаевна пріѣдетъ. И говоримъ ей: Написали бы вы Марья Николаевна, къ сестрицѣ. Вѣдь вамъ бы веселѣй было, еслибъ онѣ пріѣхали.—Нѣтъ, говоритъ, не надо, вѣдь у ней дочь больна, ей дочери оставить нельзя, только она даромъ измучится. Я къ ней передъ отъѣздомъ письмо послала, а объ своей болѣзни не писала. Авось Богъ мнѣ поможетъ, и я поправлюсь.

— Ужъ гдѣ поправиться! Видимъ все ей хуже да хуже; цѣлыхъ десять дней промаялись: ничего не кушаетъ и сна совѣмъ нѣтъ. Не отходили мы отъ нея ни днемъ, ни ночью. Кто куда приткнется, тутъ и задремлетъ. Она насъ бывало все посылаетъ отдохнуть:—Совсѣмъ, говоритъ, я васъ измучила—хоть бы вы легли. Если что понадобиться, я позвоню. А мы ей говоримъ:—Ужъ вы объ насъ не безпокойтесь. Марья Николаевна, лишь бы вамъ только полегчило. А намъ не въ тягость за вами походить.

— Пріѣхалъ разъ докторъ, а она что-то съ нимъ по французски говорила,—должно быть спрашивала, что опасна ли она. Какъ онъ ушелъ:—Ну, говоритъ, дѣвушки,—спасибо вамъ за вашъ уходъ. Знаю, что вы меня всегда лю-

били, и надѣюсь на васъ, что когда меня не будетъ, вы и за тетенькой походите. И всѣхъ она насъ перецаловала. Мы заплакали и говоримъ: — Что-жъ это, матушка, Марья Николаевна; вы такъ отчаяваетесь? Авось наша грѣшная молитва не пропадетъ передъ Господомъ; можетъ онъ для насъ несчастныхъ васъ помилуетъ.—Нѣтъ, говоритъ, ужъ видно пришлось разставаться. Успокойте вы меня въ послѣдній разъ: обѣщайте, что не оставите тетеньки. Мы ей обѣщались.—Спасибо вамъ говоритъ,— я за вашимъ словомъ покойна. Теперь хочется мнѣ къ сестрѣ написать, а тамъ вы меня пріодѣньте, да попросите батюшку меня пріобщить.

— Подала я ей бумаги и чернильницу, а у нея ужъ и силъ не хватаетъ писать. Хоть бы, говоритъ, я ей двѣ строки на прощанье оставила! Раза три она принималась, да рука очень дрожала, еле перо держитъ. А ужъ какъ ей хотѣлось написать! Заплакала она даже: Чтó дѣлать, говоритъ, видно Богу не угодно!

— Одѣли мы ее и за священникомъ пошли. То-то горе намъ было и все-то она насъ уговаривала, чтобъ мы не очень убивались. А какъ вздумаетъ объ Вѣрѣ Николаевнѣ, такъ у нея слезы и покатятся.—Сестру, говоритъ, жаль. Вы къ ней, дѣвушки, прямо не пишите, а чтобъ ей кто нибудь изъ знакомыхъ объ моей смерти объявилъ. Я знаю, какъ ей горько будетъ.

— Слава Богу, что мы ее пріобщить-то успѣли. Послѣ того она и сутокъ не прожила. А какъ она скончалась, заключила съ плачемъ разсказщица, мы ее кажется, матушку нашу, не водой обмыли, а нашими слезами.

X.

Мы уже сказали, какими средствами домашніе Ольги Александровны надѣялись скрыть отъ нея отъѣздъ племянницы. Но обманъ не могъ долго поддержаться. Понятно, что лица, принимавшія на себя роль Марьи Николаевны, не умѣли ее поддержать и грубые промахи, слишкомъ часто повторявшіеся, поражали старуху въ тѣ рѣдкія минуты, когда она приходила въ себя. Она понимала смутно, что около нея совершается что-то не доброе, и умоляла со слезами, чтобъ ей сказали, что дѣлается въ домѣ.

Разъ она казалась особенно озабочена, и долго молчала.

— Фимка! крикнула она вдругъ.

— Что прикажете, Ольга Александровна? отозвалась пожилая женщина, подходя къ ней.

— Послушай, Фимка, заговорила старуха, вѣдь я чувствую, что здѣсь что-то случилось. Ты мнѣ скажи, Фимка, что́ такое: не обманывай меня, вѣдь я отъ другой узнаю; а если ты мнѣ скажешь, я тебѣ цѣлковый подарю.

— Да что это вы изволите безпокоиться, Ольга Александровна? отвѣчала Афимья, право ничего не случилось.

— Нѣтъ, нѣтъ, Фимка, ты меня не обманывай; хочешь, я тебѣ два цѣлковыхъ дамъ, только не обманывай. Я тебя передъ Богомъ спрашиваю, что́ случилось. А ты говори правду, не бери грѣха на душу.

— Да право, Ольга Александровна, вы себя напрасно

разстроивать изволите. Еслибъ что случилось, вѣдь отъ васъ нельзя бы утаить.

Старуха задумалась.

— Утаить точно мудрено, еслибъ что нибудь такое... начала она опять, какъ будто разсуждая сама съ собой. Опять же и ладономъ бы пахло....

Она помолчала немного, и позвала племянницу:

— Маша, Маша! да гдѣ же ты?

— Здѣсь, тетушка, отвѣчалъ ей грубый голосъ, и чья то рука взяла ея изсохшую руку.

— Отчего-жъ твои руки такъ жестки? спросила слѣпая.

— Я работала въ саду, отвѣчалъ опять тотъ же голосъ.

Богъ знаетъ, успокоилъ ли ее этотъ отвѣтъ: она не отозвалась, и черезъ нѣсколько минутъ начала опять бредить.

Не скоро опомнилась Вѣра Николаевна отъ извѣстія о смерти сестры; лишь только она пришла немного въ себя, то объявила дочери, что поѣдетъ къ теткѣ и будетъ за ней ходить, и не смотря на просьбы молодой женщины, настояла на своемъ намѣреніи.

— Нѣтъ, Катя, говорила она, я останусь при тебѣ пока ты совсѣмъ оправишься, а тамъ отпусти меня къ тетушкѣ: мнѣ ее завѣщала моя бѣдная Маша.

Но она вскорѣ получила отъ домашнихъ тетки извѣстіе, что отдаленные родственники, которыхъ Ольга Александровна не знала почти въ глаза, поселились у нея подъ предлогомъ, что желаютъ успокоить одинокую старуху; но успокоительныя мѣры были такого рода, что

имѣнье Ольги Александровны скоро придетъ въ раззореніе.

Вѣра Николаевна уже давно схоронила отца, не оставившаго дѣтей отъ своего втораго брака, и была единственной наслѣдницей Ольги Александровны? но ей было не до наслѣдства. Она отвѣчала, что во всякомъ случаѣ ея теткѣ своего имѣнія станетъ пока она жива, напомнила домашнимъ обѣщаніе, данное ими Марьѣ Николаевнѣ, умоляла ихъ ходить за старухой и исполнять, по возможности, ея малѣйшей прихоти, и заключила обѣщаніемъ, что пріѣдетъ сама, лишь только силы ея, потрясенныя неожиданнымъ ударомъ, немного возстановятся, и здоровье дочери поправится.

Но долгая жизнь, протекшая однако, должна была угаснуть одинако. Ольга Александровна доживала свои послѣдніе дни. Ни ея безпомощность, ни приблеженіе смерти не вызвали минуты состраданія въ родственникахъ, у нея поселившихся. Они объявили домашнимъ и прислугѣ, что по ея желанію займутся управленіемъ ея имѣніемъ; получали доходы, отдавали приказанія старостамъ и управляющимъ, и приняли въ домѣ роль полныхъ хозяевъ. Разъ старуха была погружена въ безсмысленный бредъ, среди котораго видѣла въ себѣ свою мать, повторяя, что Ольгу Александровну никто не обманетъ; но что Ольга Александровна умерла, а жива Анна Ивановна, а Анна Ивановна, что малый ребенокъ, и за нее надо заступится—и она звала умершую племяницу, говоря, что Маша за нее заступится, что Маша не дастъ ее въ обиду, не допуститъ до нее грабителей.

Около нея сидѣла, въ качествѣ сердобольной, молодая

родственница. Она встала заперла дверь и сняла осторожно сшеи Ольги Александровны шнурокъ, на которомъ висѣлъ ключь отъ сундука. Чересъ нѣсколько минутъ щелкнулъ замо́къ. Металлическій звукъ поразилъ ослабѣвшій, но привычной слухъ безумной. Она ощупала грудь.

— Гдѣ мой ключь? восклюкнула она.

— Здѣсь, здѣсь, вотъ онъ, его никто не тронетъ, отвѣчала ей сидѣлка, опустошая наскоро сундукъ, и накинула ей на шею шнурокъ съ ключемъ.

За этой сценой слѣдили сквозь скважину замка плачущія горничныя, которыя обѣщались Марьѣ Николаевнѣ не оставить ея тетки.

Наконецъ осиротѣвшая старуха умерла среди опустѣвшихъ своихъ сундуковъ и среди грабителей сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ, какъ слетается около трупа голодная стая вороновъ, и на ея похоронахъ никто не слыхалъ задушевнаго слова, никто не видалъ слезы.

Т. Толычова.